

ИГОРЬ УПРКУНОВ

КАРА ОБ ОРКЕ

РЕВЮТАНТ-КНРЕННЕР

Игорь Чиркунов
Сага об орке.
Дебютант-киднеппер
Серия «Сага об орке», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68472500
SelfPub; 2022*

Аннотация

Ты уже не тот пацан, что попал в реалии раннего средневековья, в низ социальной лестницы. Кровь на руках, раны, и угроза смерти в бурном море заставляют взрослеть быстро. Но команда по-прежнему видит в тебе лишь обузу... И вот к вам в руки попадает дочь человеческого графа. Ну что, как и положено оркам – изнасилуем и продадим в рабство? Или зря учил язык людей сын 21 века? Может есть варианты?

Содержание

Часть 1	4
Глава 1 Нетипичные гоблины	4
Глава 2 Монастырь ордена Пуртоверинцев	23
Глава 3 Ну что, зимуем?	41
Глава 4 Холодные будни	57
Глава 5 Скоро в море, а корабль не готов	71
Глава 6 Домой?	87
Глава 7 Неожиданная встреча	103
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Игорь Чиркунов

Сага об орке.

Дебютант-киднеппер

Часть 1

Глава 1 Нетипичные гоблины

Гробовая тишина накрыла «Морского ворона». Даже весла не скрипели, безо всякой команды замершие параллельно воде. Никто не проронил ни слова, всё и так понятно: живыми отсюда мы уже не уйдем. История наша, похоже, подошла к концу.

В узком, защищенном высокими скалами заливе почти не качало, но за его пределами ревела буря. В открытом море наш многострадальный драккар долго не проживет: трещина в борту, что вынудила отказаться от перехода домой, текла, несмотря на все предпринятые попытки. «Ворон» так глубоко осел в воду, что первая же волна отправит нас на дно.

Усталость многодневного перехода по штормовому морю добавляла апатии – мы уже несколько дней питались в сухоматку и спали прямо на палубе в промокшей одежде. Лично

я замерз и уже вырубался. Голода не чувствовал, но это скорее потому, что желудок уже «махнул рукой» и отключился.

По инерции корабль продолжал скользить вперед. Вот сейчас, несмотря на ночь и бурю, нас заметят с замковой стены. Еще сколько-то времени потребуется людям, чтоб разобраться, кого это к ним принесло, а потом... Иллюзий не строили.

Наконец «Ворон» мягко притерся к пирсу и замер. Секунды улетали в небытие, но ничего не происходило. Не трубили рога, не метались факелы меж зубцов, не летели стрелы. Только раскачивался фонарь у ворот в нависавшей над пирсом стене, свистел в скалах ветер, да долетал грохот прибоя.

– Это ... Нифльхейм¹? – полушёпотом охнул Фрэир.

– Скорее уже царство мертвых, – в тон ему заметил Хальфдán.

Пронеслась еще пара секунд.

– Чё несете? – наконец перекрыл отдаленные звуки бури голос Болли, – Какой еще Нифльхейм, какой еще Хельмхейм? Мы что, Гьёлль пересекли и не заметили? Где здесь туманы и лёд? ... И потом, ладно вы, щенки, но лично меня ждёт Вальхалла!

Встрепенулся Снор, повеселел, сидящий рядом со мной, Регин. По кораблю как будто прокатилась волна «размороз-

¹ Нифльхейм – мир тумана, вечного холода и мрака, существовавший в бездне ещё до начала творения. Хельхейм – преисподняя, царство мёртвых, владения Хель. Хельхейм окружен непроходимой рекой Гьёлль

ки».

– Пойдемте, захватим этот замок! – Болли встал со своего места, – Нападем, пока караул спит!

Народ сбрасывал оцепенение, захлопали крышки рундуков. Не задумываясь встал и я, достал свой новенький шлем... эх, так его и не доработал... Видно не судьба. Нахлобучил, вытянул из рундука кожаный чехол с арбалетом. Интересно, тетивы не размокли?

– Ты обезумел, Болли? – прокатился над палубой низкий рык, – Парни на ногах не стоят. Это самоубийство. Надо уходить, пока нас не заметили.

Я поднял удивленный взгляд на Фритьефа. Гигант стоял, ухватившись за носовой штевень под драконьей головой. Чёрт, а он прав, мелькнуло в сознании, лично я сомневаюсь, что у меня сейчас сил хватит взвести дугу. Да и у остальных состояние не лучше.

– Тóрольв, Бру́ни, займитесь швартовкой, – Болли словно не заметил слов нашего ветерана, – и кто готов, выходи строиться.

– Ты не слишком раскомандовался, хольд? – теперь встал и мой брательник, – Забыл кто здесь форинг?

– Командуй, Сигмунд, – не глядя на него мотнул головой Болли, – сейчас мы захватим этот замок. Представь, как велика станет твоя слава.

Ага, если будет кому об этом рассказать...

– Парни сейчас даже крестьянский хлев не захватят! – ру-

банул Фритьеф, – Бруни вернись на место, – рыкнул ветеран на орка, успевшего выскочить на пирс с канатом, – Кнуд, отваливаем!

– Куда отваливаем? На дно? – саркастически каркнул с кормы кормчий, – Ты посмотри, «Ворон» сейчас прям здесь затонет!

– Бруни, швартуй корабль, – Болли говорил негромко, устало, но в голосе закипала злость, – Тóрольв, ты чего застрял?

– Да вы что? – грохнул Сигмунд, – Все забыли, кто здесь фóринг?

– Фóринг, послушай... – начал было Болли

– Заткнись, хольд! Всем слушать меня...

Но выслушать, что нам хотел сказать мой старший братеньник Сигмунд, по совместительству владелец корабля и фóринг по прозвищу «Счастливчик», мы не успели. Как-то разом я осознал, что к свету раскачивающегося над воротами фонаря добавился еще один. Словно во сне я повернул голову. Оборачивались и остальные.

Метрах в шести-семи, уже за пределами пирса, на каменном берегу стоял новый персонаж. Темные бесформенный одежды, голову закрывал глухой капюшон, в поднятой руке фонарь.

– Ма-ма... – раздалось сдавленное.

Это я? Или всё же кто-то рядом?

– Кто вы, путники? – долетел до нас сухой, скрипучий го-

лос.

На секунду-другую экипаж «Ворона» обратился в соляные столбы. У меня по спине пробежал холодок. А потом я вдруг осознал, что все на палубе смотрят не на темную фигуру на берегу. Нет, все взгляды молча скрестились на моей фигурке.

Что?!

Только тут до меня дошло, что спрашивала неизвестная фигура на человеческом языке!

Люди? И не нападают? Не мчатся с воплями: «Смерть оркам!»?

В следующий миг взгляд выхватил темный провал открытой калитки за спиной человека, краем зацепил начинающего подбираться Болли. В воображении на ускоренной перемотке мелькнули картинки: вот «волосатик» сломя голову бросается в распахнутый зев, вот оседает походя зарубленный человек. И вот уже ночь расчерчивается летящими со стен, почему-то горящими стрелами...

Не отдавая себе отчета, я в два шага пересек палубу и шагнул на пирс.

– Здравствуй, добрый человек. Мы ... путники. Нам понадобилось укрытие от бури... Не скажешь, где мы очутились?

За спиной – тишина. Могильная.

– Конечно-конечно, – человек сделал шаг вперед, поднимая фонарь повыше, чтоб разглядеть меня. – В нашей оби-

тели рады любимым гостям. Кто вы?

В мозгу крутанулся барабан с вариантами. Что сказать то?! Правду? С орками тут даже не разговаривают: «Убейте демонов!» и все дела... Сказать, что люди? Блин, я себя в зеркале видел? Тогда кто??? Эльфы? Гномы?

Человек сделал еще шаг навстречу, затем еще. И еще.

– Мы торговцы, добрый человек. Наш корабль застигло штормом, мы увидели остров и решили переждать бурю.

Всё, сейчас свет от фонаря упадет на мою рожу, меня разглядят... и какой-нибудь лучник, что наверняка притаился где-то там, за зубцами стены поставит точку в моей эпопее.

Ожидание хуже пытки! И я сам шагнул в круг света.

Человек не отшатнулся, не заверещал что-нибудь про «Убейте орка» или «Нечистая!», не стал чертить меня кругом Спасителя. Нет.

– Вы... не люди? – кажется, его голос всё же дрогнул.

Наверно, чтоб лучше видеть человек откинул капюшон. Старик. Высохшие, почти изможденные черты лица, совершенно седые, длинные волосы. В распахнувшемся вороте грубого плаща – здоровенный знак Спасителя: перечеркнутый круг, а на лице пронзительные, несмотря на возраст ясные глаза.

– Мы... гоблины, отец, – безумная идея пришла вдруг в голову. – И мы искали, где бы нам узнать о Спасителе.

Лицо монаха озарилось. Лучезарная улыбка стерла остат-

ки тревоги, до того таившейся в уголках глаз.

– Вы приплыли услышать слово Спасителя?! Да... как же я рад! Проходи, проходи внутрь, путник-гоблин, зови своих товарищей... Вы наверно устали и замерзли? Мы монахи-пуртоверинцы² живем скромно, но Спаситель заповедал заботится о любой твари Создателя, нуждающейся в помощи, кем бы она ни была.

Из меня как будто выдернули стержень. Неужели? Неужели мы нашли место, где сможем обогреться у огня, поесть горячего и не думать переживет ли корабль встречу с очередной волной?

Я вскинул руку.

– Подожди отец, я должен оповестить друзей. Здесь только я говорю по-человечески.

Повернулся. Два десятка пар глаз на изможденных лицах уставились на меня. Большинство – с нескрываемой надеждой. Некоторые – деланно-равнодушные, но это только маска. Сигмунд и Фритьеф выжидательно-настороженно. И лишь выражения глаз Болли я не смог прочесть.

– Это монастырь... – начал я.

На лицах гамма чувств.

– Сигмунд! – Болли крутанулся к брату, – Его надо захватить! Переждем зиму за стенами!

² Porte ouverte (франц) – если верить переводчику так по-французски пишется «открытая дверь». Отсылка к французскому La Trappe (дверь, люк) – название монастыря, давшего имя наиболее строгому ответвлению ордена цистерцианцев: траппистам.

– Ты несешь чушь! – оборвал его Фритьеф, – В монастырях охрана не хуже, чем в замках! Только дернемся, сразу все ляжем. Уходить надо, Сигмунд.

– Сигмунд, это наш шанс пережить зиму!

– Сигмунд, не слушай его, мы сейчас не в состоянии!

Сигмунд жестом оборвал пререкания.

– Рассказывай Асгейр, ты же о чем-то говорил с этим ... человеком.

– Как я уже сказал, это – монастырь. И я сказал ... – на миг замялся, не зная, как отреагируют на мою самостоятельность, – что мы гоблины.

У половины моих «коллег по опасному бизнесу» вытянулись лица

– Я сказал, что мы торговцы. И что мы ... то есть я... искал кто б рассказал о Спасителе.

– Ах ты! ... – чуть не набросился на меня Болли, но был прерван братом

– Зачем ты так сказал?

– Ну... я подумал, что, если я претворюсь, что хочу принять веру в их бога... – облизал пересохшие губы, – они не станут на нас нападать... – добавил поспешно, – по крайней мере сейчас, пока мы не в состоянии держать оружие. Люди повсюду стараются насадить веру в своего Спасителя, и ... – я придумывал на ходу, – и они обрадуются... вернее не захотят упустить шанс приобщить к своей вере таких инородцев как гоблины. Кстати! Гоблинами я нас назвал потому, что к

ним они не должны питать такой ненависти как к нам... Монах обещал дать нам теплый кров и накормить горячим...

– Хм... – Сигмунд в задумчивости повернулся к Фритьефу, – Что скажешь, старый друг?

Фритьеф погонял желваки, почесал подбородок

– А пацан-то, пожалуй, прав, – наконец выдал ветеран, – так мы сохраним наши жизни, а если удастся договориться... – он поднял задумчивый взгляд на меня, – может получится и зиму пережить на этом острове.

– Да о чем вы говорите? Вы решили предать наших богов?! – взъярился Болли.

Он дернулся было к Сигмунду, потом на пирс, обратно... Наконец, Болли развернулся лицом к замершим на рундуках парням.

– Братья орки! Да что же это такое?! Неужели мы отвернемся от нашего отца Одина?! Неужели мы предадим триждырожденного Тора? Как мы будем в глаза смотреть...

– Заткнись Болли.

Я сказал негромко, но разошедшийся в ораторском порыве волосатик словно с разбегу налетел на стену.

Не, ну в самом деле! Достал гад. Он чё, тупой? Он так не хочет жить? Мечтает со славой погибнуть на копьях монастырской охраны или истыканный стрелами, даже не добыв до ворот?

– Послушайте меня, парни, – начал я спокойно. На фонтанирование эмоциями сил уже не оставалось, – я никогда,

никого из вас не призывал и не призову отвернуться от наших богов, – Говорить ребятам о том, что мне самому пофиг вообще на всех богов, я конечно не стал. – Не знаю, что тут себе нафантазировал Болли. Но если мы сейчас, для вида, согласимся что мы обыкновенные торговцы, то, по крайней мере, сохраним свои жизни и свой корабль. Хотя бы, пока не отдохнем и не подлатаем «Ворона». Дальше видно будет, – получилось у меня как-то устало. Добавил, – но если сейчас пойдем на штурм... – ночное зрение орка позволяло мне разглядеть, как сразу же осунулись лица товарищей, как зародившаяся надежда уступала место безнадежности. – Если мы послушаем нашего ... – хотел сказать «горлопана», сдержался, – Болли, то бесславно погибнем. И никто не передаст нашим родичам всего того, что с таким трудом, проливая кровь мы для них добыли за это лето. Да и не расскажет никто о нашем подвиге... Хотя и не подвиг это будет, а глупость...

На удивление, Болли меня не перебил. Видимо ошеломление от того, что какой-то дренг бросил «заткнись» такому уважаемому хольду было настолько сильным, что он потерял дар речи. А может и то, что парни меня слушали.

– А я так и не добыл отцу обещанных рабов... – печально, себе под нос протянул Бьярни.

– Обидно будет, если мой так и не узнает, что его сын всё же стал полноценным хольдом, – в тон ему добавил Синдри.

Спасибо пацаны!!!

– Да что вам родня? Как вы взглянете в глаза валькириям?!!

– Болли, подожди, – опять мягко перебил я хольда. – Воинская хитрость не является чем-то постыдным. Сколько раз Локки прибегал к ней? Да и не придется вам что-либо говорить людям, я ж буду вести переговоры. Я всё беру на себя.

Лица парней светлели. А волосатик развернулся рывком ко мне, рука метнулась к рукоятке меча.

– Ты перешел границы, дренг! Сейчас ты ответишь...

– Любой, кто скрестит железо с другим воином моего лида, будет выкинут из корабля! – тяжело упали слова Сигмунд. Ого! Узнаю школу папаши Йоргена! Жаль кулаком ему не почему шарахнуть! Не к палубе же нагибаться? А брательник закончил мысль, – Придем домой, там выясняйте отношения, сколько хотите! А здесь ... – традиционная йоргенсовская пауза. Хорошо наблатыкался братишка, – только вздумайте косо посмотреть друг на друга. Всё! Я сказал свое слово. Асгейр!

– Да?

– Говори с людьми. Мы согласны притвориться торговцами, только ... скажешь им, что их богом только ты интересуешься, моих парней в это не втягивай!

Я незаметно выдохнул.

– Отец! – обернулся я ко всё там же терпеливо ждущему монаху.

– Я не отец, ибо только Спасителя так пристало называть,

я всего лишь смиренный брат нашей обители. Слушаю тебя путник.

Но поговорить нам не дали.

На фоне ворот заметался свет факелов, мелькали тени, звякал металл.

– Мы успели, братья! – вопил кто-то радостно, – Я был прав! Был прав!!!

– Брат Вальтер, беги! Мы задержим поганых! – вторил другой голос.

Что?!!

Монашек изумленно обернулся, вскинул руки

– Стойте, братья!

Перед воротами полукругом выстраивались монахи. Ну а кто еще это мог быть? В мешковатых черных балахонах, безо всякой брони, шлемов и щитов. В руках лишь копья, пара-тройка топоров, по виду плотницких, один чудила вообще с большим ножом типа кухонного... Какого лешего?! Что за цирк?!

Шум за спиной заставил крутануться. На пирс выскакивали орки и тут же строились: щиты, копья. Какими бы уставшими парни ни были, но рефлексy, наработанные за целое лето, брали свое. Впереди, азартно поблескивающий глазами, Болли.

– Сигмунд, дай команду! – волосатик косился на всё еще стоящего на палубе форинга, – Ща мы их раскатаем!

– Стойте! – я замахал руками над головой. – Сигмунд, дай мне с ними поговорить!!!

– Стойте! – перекрывая меня орал Фритьеф. – Куда под стены? Это ловушка! Назад, идиоты!

– Стойте братья, стойте! Это не враги! – надрывался еще один голос позади меня. Человеческий.

Я бросил взгляд через плечо: встречавший нас монах бросился к своим, размахивая руками.

– Стойте братья! Не надо оружия!

Я развернулся к людям:

– Мы пришли с миром! Стойте!

Опять к Сигмунду:

– Сигмунд, придержи парней! Дай мне поговорить с людьми!

– Атакуем, форинг!

– Сигмунд, уходим!!!

А-а-а-а!!! На маленьком пяточке слишком много воплей! Приступ чистой, как водка, злости затопил сознание и придал сил. Злости на всех: на баранов в черных балахонах, что неумело держат копья и лезут на профессиональных убийц, не подумав тупо захлопнуть калитку. На азартного идиота Болли, что, не зная, сколько вообще народу может быть за стенами, рвется в атаку. На Фритьефа, что командует отход. Куда, нафиг отход? На дно?! И на тугодума Сигмунда, что до сих пор не приструнил излишне самостоятельного хольда, метящего в неформальные лидеры.

– ЗАТКНИТЕСЬ ВСЕ!!! – срывая голосовые связки заорал на орков. Обернулся к монашку, хлыстом выкинул в его сторону указательный палец, – ТЫ! Придержи своих баранов!!!

На секунду меж скалами повисла тишина.

– Сигмунд, дай мне поговорить с людьми, – чуть-ли не сквозь зубы выговорил я. – Дай. Поговорить.

Секунда показалась вечностью. Наконец Сигмунд «отмерз»:

– Поговори с ними, брат... – повернулся к парням. – Все на корабль, приготовьтесь быстро отваливать. Если Асгейр не преуспеет, – добавил он тише.

За моей спиной парни начали запрыгивать обратно на палубу. А я, чуть ли не выдыхая пар из ноздрей, направился к монахам.

– Мы пришли с миром! ... Что в этом непонятного?! – тон, для переговоров не лучший, но я был заведен.

– Брат Вальтер, берегись, сзади! – проорал кто-то из монахов.

Встретивший нас монах, испуганно обернулся, увидел, что это я.

– Братья, это мирные гоблины!

– Это орки, брат! Орки! – зашелся в крике один из монахов. – Проклятые демоны! Убейте его, братья!

Что ж ты, сука, сам не нападаешь, а? От направленных на меня остриев копий до моей тушки не больше метра. Под-

шаг, «длинным коли» и я могу не увернуться. Кстати, я даже без щита!

– Кто это меня орком назвал? Ну-ка покажись!

– Я! Я тебя узнал, демон проклятый. Я вас всех хорошо запомнил, твари зеленорожие с клыками богомерзкими!!!

Наконец, в пляшущем свете факелов я разглядел того, кто орал про орков: уже пожилой мужик, с обезображенным шрамом лицом. Одного глаза нет – шрам как раз пересекает пустую глазницу. Вот блин! А ведь он мог сталкиваться с моими соплеменниками!

Монахи стояли колеблющимся полукругом и не нападали. Сейчас я начал замечать, что большинство из них древки будто впервые в руки взяли. Да и лица... Скорее это лица людей, решивших подороже продать свою жизнь, но не тех, кто готов хладнокровно выпустить кишки противнику. Господи... и мы вот с этими собрались воевать? Люди, если вы верите, что мы орки, вы какого хрена за стены поперлись?!

Внезапно я успокоился. Может сработало какое-нибудь запредельное торможение нервной системы? Я устал. Устал бояться, устал злиться.

– Может ты и гоблинов видел? – с усмешкой проговорил я.

– Не говори с ним, брат Вит! Этот демон тебя зачарует... Устало вздохнул.

– Ладно, скажите мне тогда вот что, братья. Боятся ли демоны круга Спасителя?

Пауза.

– Не говорите с ним, братья, – только полупшепот по рядам.
– Могут ли демоны вот так?

И я, сложив пальцы щепотью, как видел ранее, очертил себя кругом, начиная ото лба.

Конечно, монахи не бросились меня тут же обнимать, нет. Но на многих лицах я прочел удивление, а на одном-двух даже радость. У большинства – облегчение.

– Послушайте меня, люди. Я гоблин Асгейр. Не так давно, от одного из пилигримов я услышал слово о Спасителе. Но не смог тот достойный муж ответить на мои вопросы, ибо вскоре умер. И вот уговорил я своего брата, гоблина Сигмунда ... что плавает за моря и торгует зерном, взять меня с собой. Я молил неизвестного мне бога, которого тот человек называл Спасителем, послать мне учителей, что смогут просветить меня в истинной вере... – «Господи, что я несу?» билась мысль где-то на задворках сознания, но слова словно сами собой соскакивали с языка. Я устал, замерз, я хотел есть и главное, хотел, как можно скорее, закончить эту глупую комедию. Вот меня и понесло. – И вот попали мы в шторм, и носило нас много дней по морю, и сказал я брату: «Сигмунд, надо молить Спасителя о даровании нам света истинной веры». И только я это сказал, как увидели мы этот остров и пристали... – я перевел дух, облизал пересохшие губы. – И какого же ... демона, вы проверяете силу моей веры? – заорал я на монахов, да так, что большинство отшатнулось. – Пошто закрываете мне дорогу к спасению?! Разве

об этом заповедовал вам Спаситель?!!

По рядам черных хламид пробежался ропот, копыа заколебались, некоторые опускали острия к земле, многие обводили себя кругом Спасителя, шептали себе под нос что-то. Молитвы, наверное.

– Во имя Спасителя, пропустите братия! – раздался от калитки властный голос.

«Настоятель, настоятель» пробежался шепоток по рядам, и люди стали почтительно расступаться.

Сквозь толпу, а это уже была толпа, а не строй, продвигался еще один чел, в темных одеждах, его под руку вел совсем молодой мальчишка. Когда они вышли вперед, я понял, зачем поводырь – глаза у «настоятеля» были абсолютно белесые, незрячие.

– Кто здесь искал учения Спасителя? Кто ты?

Брат Вальтер, который нас встретил в самом начале, на правах старого знакомого показал мне, дескать, подойди к старцу. Я сделал шаг... осознал, что топор до сих пор в руках, хотел было сунуть за пояс, потом решил: «Если что – не поможет» и демонстративно отбросил в сторону.

– Я гоблин Асгейр, это я искал, кто бы меня просветил в вере Спасительевой.

Слепец, «наведясь» на звук, как хамелеон языком «выстрелил» рукой ... Ну как сказать, выстрелил? Для человека он был быстр. Но не для орка. Впрочем, я не стал мешать, и старик возложил мне ладонь на лоб.

– Ты не гоблин... – приговорил спустя несколько секунд. За его спиной качнулись копья, вновь вздымаясь вверх, но слепой тут же «успокоил», – но ты и не орк... И не человек... Кто ты, незнакомец, называющий себя Асгейром?

Ух ты! Настоятель телепат? ... Да ну, нах... Не верю!

– Я полукровка. Моя мать – человек.

– Ах вон оно что... – протянул настоятель, – не знал, что у гоблинов и людей могут быть дети... Впрочем, в тебе нет зла, гоблин-полукровка Асгейр, я приглашаю тебя и твоих друзей войти под наш кров.

С этими словами он развернулся, словно миссия его закончилась, и, сопровождаемый почтительными поклонами братии, удалился в калитку.

– Все слышали преподобного отца? – обратился брат Вальтер к собравшимся. – Расходитесь. А тебя и твоих друзей я приглашаю пройти внутрь. Вы можете у нас оставаться столько, сколько вам потребуется, в крове и пище мы вам не откажем. Только... – он покосился мне на пояс, – оставьте оружие, ибо не должен сей мерзкий металл пересекать границу монастырских стен.

Я невольно покосился на копья и топоры братвы, втягивающейся в калитку, но спорить не стал.

– Пойду, передам своим товарищам, до чего мы договорились, – устало буркнул я.

– Без оружия не пойдем, – как отрезал Сигмунд. Фритьеф

кивнул, подтверждая слова форинга.

Блин, а так даже лучше. По крайней мере этот сумасшедший мясник с дредами не покрошит ни в чем неповинных монахов. Ничего не имею против того, чтоб схватиться с равным противником, но уподобляться «чёрным» не хочу.

– Узнай для начала, где мы можем приткнуться к берегу. Нам надо подлатать корабль, – продолжил инструктаж предводитель. – Хорошо бы, если там можно было поставить палатку. Лучше я перезимую в шатре, чем окажусь внутри стен безоружный.

– Форинг, ты упускаешь шанс... – опять Болли!

– Блин, как ты задрал! – не отдавая себе отчета вслух произнес я. Ну что поделаешь? Вымотался, вот и не удержал язык.

– Асгейр! – рык Сигмунда, и...

– Ах ты щенок! – вопль Болли слились в один.

Волосатик дернулся. Рука на рукояти меча. Сигмунд схватил его рукав.

– Стой! Помни что я сказал! Пока поход не кончен, драк в лиде не потерплю! Тем более, – добавил форинг тише, – Асгейр у нас единственный, кто может говорить с ними. Он нам нужен.

– Ладно, ублюдок, – протянул с угрозой Болли, – живи пока.

Я повернулся, чтоб идти к Вальтеру, в спину донеслось.

– Но не надейся ступить на родной берег!

Глава 2 Монастырь ордена Пуртоверинцев

В «гости» к монахам я отправился не один. Не успел отойти от корабля и пары шагов как в спину прилетело:

– Асгейр, стой!

Я обернулся. Синдри. Выскочил на пирс и направился ко мне.

– Куда ты, парень? – окликнул его Сигмунд.

– Не отпускать же Асгерйра одного? – пожал плечами мой приятель.

– Но если там ловушка, – подал голос Фритьеф, – то мы недосчитаемся двоих бойцов.

– Синдри, монахи сказали, что пустят лишь безоружных, – добавил я.

– Вот ерунда! – он вытащил из-за пояса топор.

– Совсем безоружных, – я показал глазами на его скрам.

Парень лишь на секунду замялся, всё ж свободные орки с молодых ногтей привыкли таскать ножи на поясе. Даже при посещении усадеб ярлов так сказать короткоклинковое допускалось. Но заминка не заняла и мгновенья. Хмыкнув, он вытащил из ножен свой клинок.

– Даже с безоружными, с двумя им будет справиться сложнее! – подмигнул мой приятель, передавая на корабль свое оружие.

– С тремя, – поднялся со своего рундука Бьярни, и молча принялся разоружаться.

– Ну как знаете, – махнул на нас рукой Сигмунд.

– Сгинут, не жалко, – пробубнил под нос Болли.

Мы не отреагировали.

– Так, не расслаживаемся! – начал распоряжаться «сержант» Фритьеф, – Нечего глазеть. Вскрыли палубу и отчерпываем воду!

Ах, да! Я хлопнул себя по лбу.

– Брат Вальтер, – окликнул я ожидающегося монаха, – не подскажешь, есть тут какое-нибудь мелкое место? У нас корабль вот-вот уйдет под воду.

– Что ж вы сразу не сказали! – взмахнул сухими ручками монах. – Чуть подальше, в глубине бухты есть пологий песчаный пляж, там мелко. И туда есть тропинка отсюда, правда посуху идти не близко будет.

Этой инфой я тут же поделился с братом. Он обрадовался, и, задав через меня пару уточняющих вопросов, скомандовал отход.

– Как разведаете, приходите туда. Мы вас будем ждать. Хоть до весны, – пообещал он, пристально глядя на монаха, перед тем как тяжело сидящий в воде «Ворон» отвалился от стенки.

– Пошли, брат Вальтер, покажешь нам, где тут у вас и что.

Монастырь на самом деле оказался маленьким. И бедным.

Бедность, или как заявил нам наш провожатый – нестяжательство, была одной из заповедей устава. Без всего, без чего можно обойтись, братья старались обойтись.

– Мы смиряем свою плоть, – пояснил брат Вальтер пока мы шли внутрь, – до самых морозов не зажигаем огня, чтоб согреться. Мысли о Спасителе, молитва и пост греют наши души.

Вот как? Я скептически покосился на монаха, пост греет? Но тут же, спохватившись, придал лицу доверчиво-придурковатый вид – ну как же, меня ж только что осенили истиной!

Как выяснилось, когда-то здесь и в самом деле хотели построить замок. Затеял это один феодал с Ирене, но остров оказался маленьким, отдаленным от остальной цивилизации и торговых путей. Замок тут был бы совсем не в тему, и идею забросили. А уже возведенной стеной воспользовались монахи редкого и немногочисленного ордена Пуртоверинцев.

Кстати, все копия и правда оказались оставленными сразу за калиткой, буквально – в небольшой нише коридора, проходившего сквозь весьма толстую стену.

Внутри обнаружился храм, которым наш провожатый не замедлил похвастаться, и даже провести нас внутрь, благо храм не закрывался. Полностью каменное строение оказалось небольшим и абсолютно пустым. В смысле – ни тебе портьер из дорогой ткани, ни богатых подсвечников и канделябров. Свет должны были давать деревянные площадки с маслом, с пристроенным фитильком. Алтарь, сложенный из

грубых камней – и всё. По сравнению даже с деревенскими – образец минимализма.

Жили монахи в одноэтажном домике, притулившемся к самой стене. Побольше, конечно, чем крестьянские халупы, размером если не больше наших длинных домов, но... Узкие низкие коридоры, низкие маленькие комнаты – у меня чуть не начался приступ клаустрофобии. Сыро, холодно, темно. Ладно у нас ночное зрение, а люди то как?

Порой, мне начинало казаться, что в своем показном отказе от всего более-менее ценного монахи скатываются в некую разновидность гордыни, но говорить им об этом не стал.

Первым делом брат Вальтер повел нас в трапезную. По крайней мере именно так я смог перевести это слово. Низкий арочный потолок, холодное помещение несмотря на горящий в небольшом очаге огонь. Над огнем висел котелок.

– А что едят гоблины? – вдруг вскинулся наш провожатый.

Другой монах, долговязый, с залысинами мужик, мешавший длинной деревянной ложкой варево в котелке, напрягся, и тоже уставился на нас.

– Да что и все, – я пожал плечами, – в основном кашу... Там, где я рос обычно варили молочную. Скот мы разводим, но мясо едим не часто, предпочитаем брать молоко и шерсть. А еще рыбу, – я пояснил, – до того, как я пошел... с братом, – чуть было не ляпнул «в поход», вовремя спохватился, – я

был рыбаком.

– Вот видишь, брат Николас! – обрадованно поднял указательный палец брат Вальтер, – Они почти такие же, как мы. Ловят рыбу, пасут скот, растят хлеб. Трудом своим добывают пропитание... Какие же они орки!

– Ну... – замялся кашевар, – Лично я не видел ни орков, ни гоблинов... Ни гномов и кобольдов, ни эльфов. Я вообще раньше думал, что всё это бабкины сказки.

Вдруг раздался чей-то грубый голос:

– Орки не сказки! – как отрезал еще один монах, которого раньше я не заметил.

Ба! Да это же тот самый, пожилой, что орал что мы и есть орки! Одноглазый, с чудовищным шрамом через всё лицо, сидел за столом в темном углу.

– Прости брат, – я прижал руку к груди, – не знаю как к тебе обращаться...

– Не брат ты мне, – дернул щекой одноглазый.

Хм... «Чурка зеленожопая?» мысленно хмыкнул я, но промолчал.

– Все мои братья носят такие же хламы как я, – он демонстративно дернул отворот своей темной одежды, – и все они живут за этими стенами. А другие мои братья, – его лицо налилось свинцом, – в земле лежат. После набега таких же зеленорожих, как ты чужестранец!

И он ткнул в меня заскорузлым пальцем.

– Ну прости, если мы чем-то похожи на орков, – я раз-

вел руками и изобразил нечто в виде полупоклона. — Такими уродились... Но и ты тоже, не сильно от них отличаешься!

Немая сцена была мне ответом. Кашевар Николас, отвалив нижнюю челюсть так и замер со своей мешалкой. Брат Вальтер встревоженно заметался взглядом меж мной и одноголазым.

— Две руки, две ноги, — криво усмехнувшись принялся пояснять я, — два глаза, одна голова. Кстати, клыки у тебя тоже есть!

Последнее заявления добавило оторопи монахам. Николас так вообще полез в свой рот пальцами.

— Только меньше, чем у меня или орков, — продолжал я. — И кожа гладкая, без шерсти.

— А говорили, что у орков шерсть растёт, — подал наконец закончивший инспекцию собственных зубов брат Николас, — они же с севера, а там холодно. Скажи брат Вит, ты же их видел?

— Ну... растёт, — неуверенно подтвердил одноголазый.

А я облегченно выдохнул. Да ты, чувак, оказывается классический очевидец! Рассказываешь всяческие байки, утверждая, будто видел своими глазами!

— А еще я слышал, что у орков клыки огромные. Те, что снизу торчат прям выше носа, — брат Вальтер приложил указательные пальцы ко рту так, что они расположились по бокам от его носопыки, — а те что сверху, аж ниже челюсти, — указательные пальцы превратились в мега-вампирские клы-

ки. – И что их по четыре, сверху и снизу, – к указательным прибавились средние пальцы.

Я чуть не прыснул. Слава богу, сдержался. Это у вас не орки, это хомячки какие-то, или морские свинки, которым раззява хозяин не давал твердой пищи или специального камешка, зубы стачивать. Теперь к ветеринару, не иначе, кусачками подравнивать... Люди, вам мозг для чего даден? Как с такими зубами есть?

– Не я выбирал, кем мне родится, – закончил мысль я

– Но ты выбрал кем стать! – чуть ли не торжественно объявил брат Вальтер, – Ты же не стал морским разбойником, разорителем прибрежных деревень и убийцей невинных поселян?

Блин, брат Вальтер, ну нафига ты сейчас об этом? Как будто маленькая лапка острыми коготочками прошлась по сердцу.

– Нет, ты стал рыбаком, затем торговцем. Занялся почтенным делом... – не замечая моего помрачнения продолжал монах. – Но, хватит разговоров, мы так уморим наших гостей голодом. Брат Николас, готово?

– Давно готово, жду, когда наговоритесь!

– Проходите путники, присаживайтесь, – как радушный хозяин Вальтер повел рукой.

Грубый, низкий дощатый стол, такие же лавки с двух сторон. Деревянные тарелки. В них кашевар вывалил содержимое котелка. Хм, каша. Молочная. Вернее, на воде, с добав-

лением молока. Ни масла, ни соли. Зато горячая, а это сейчас то, что надо!

– Разделишь с нами трапезу, брат Вальтер? – поинтересовался я у монаха.

– Создатель заповедовал обходиться лишь тем, чего достаточно. Одеждой, что достаточна чтоб прикрыть срам, жилищем, что защитит от непогоды и диких зверей, и едой, достаточной чтоб поддерживать жизнь. Всё остальное от демонов: способ потешить самолюбие или уступка лени... Я уже ужинал сегодня, – подытожил краткую лекцию он, – но за столом с вами посижу охотно!

Я сделал вид что поражен и прямо впитываю изреченную мудрость.

В этот момент одноглазый встал из-за стола.

– Ладно, пойду спать. Завтра, до утренней службы собирались с братом Мило крышу в сарае поправить. А вам, путники, хлеб да каша... – он нашел меня взглядом единственного глаза. – Меня зовут Вит.

– Спокойной тебе ночи, Вит, – пожелал ему я, – я Асгейр.

– Да хранит нас всех Спаситель! – резюмировал брат Вальтер, и все осенили себя ритуальным кругом.

– Почему вас только трое? – удивился брат Николас, когда мы с парнями уже уминали его варево, – Мне сказали готовить человек на двадцать.

Я прикинул, сколько было в котелке. Ты этим хотел на-

кормить двадцать голодных орков? Человек, не смейся, мы втроем умяли больше четверти. Съели бы и больше, но без соли... без масла...

– Остальные сначала должны о корабле позаботиться. А потом... Если честно, – повернулся я к Вальтеру, – слово о Спасителе хотел услышать только я один. Остальные... Просто не спорили с моим братом...

– На всё мудрая воля Его, – поднял глаза к каменному потолку монах, – он не зря попустил тебя попасть к нам в обитель. Даже одна спасенная душа, это уже хорошо. А потом, – он хитро прищурился, – вот ты, услышишь кто такой Спаситель, и учение его, разве сможешь ты удержаться, чтоб не поведать о нем и остальным своим сородичам? А где один, там и другие узреют свет истинной веры.

Давай, давай мракобес, захотелось подбодрить монаха, мне-то ты можешь какой угодно лапши на уши вешать, у меня иммунитет, а парням я переведу только то, что сам захочу.

– Вы, гоблины, оказывается неплохие ребята, – вдруг заметил кашевар, задумчиво опершийся на свое «орудие труда» – длинный деревянный черпак. – Скромные, едите тоже, что и мы, занимаетесь тем же, что и люди...

Про скромность это он, глядя на пацанов заявил. Те понятно, не зная языка и не понимая, о чем говорят старались держаться меня и не отвечать. Да и я временами забывал, что не один, я ж не профессиональный переводчик, чтоб

синхронно им толмачить!

— Есть много рас на свете, и не все из них конченные негодяи, — веско заметил я, — думаю, различия меж представителями одной расы, взять хоть гоблинов, хоть людей, сильнее, чем различия меж расами. Думаю, и среди людей, и среди гоблинов есть такие, которым вы были бы рады, как друзьям. А есть и такие, которым бы руку не протянули. Ведь так?

— Так, — согласно кивнул брат Вальтер.

— Кроме орков! — вдруг перебил его кашевар.

— Да, кроме орков, — закивал наш провожатый.

— Да что с ними-то не так? — удивился я.

— Это демоны, путник, — печально заметил Вальтер, — тёмные твари, проклятые Создателем.

— Почему? Послушайте, но... и среди гоблинов есть те, кто торгуют с орками... Не мы, конечно, — на всякий случай, тут же заметил я.

— Это плохо, гоблин Асгейр, очень плохо. Те, кто это делают, погубят свою душу, общаясь со столь тёмными созданиями. Не имей никаких дел с орками и даже не говори с ними!

— Где бы ты не встретил орка — убей его! — кашевар рубанул рукой.

— Но...

— Знаешь, что они делают?

Я растерянно потряс головой.

— Они вырывают из своих жертв органы, и жрут их! Сердце, печень! Всё жрут! Поэтому единственное, что должно де-

лать при встрече с этими демонами – убивать!

Где-то часа через два мы, наконец, покинули монастырь. Под предлогом, что надо обо всём рассказать нашим, отказались от предложения заночевать, взяли мешок с несколькими краяхами хлеба, большой бурдюк и потопали по указанной провожавшим нас братом Вальтером тропинке. Путь, виляющий меж скал и валунов, занял еще не меньше часа. Я уж думал, что мы заблудились, но вскоре мои ноздри защекотал аромат мяса. А когда обошли здоровенный валун, в два или три моих роста, взгляду открылась замечательная картина.

Скалистый берег на некотором протяжении уступал место песчаному пляжу. Вот на этом пляже, у самого берега, боком, приткнулся наш «Морской ворон», привязанный к вбитым в берег кольям. Никто не спал: одни парни ставили палатку, повыше, чтоб прилив не достал. Приспособили ту, что обычно мы растягивали над палубой, во время непогоды. Другие по переброшенным сходням бодро стаскивали поклажу на берег.

А Кнуд кашеварил, на разведенном костре. Запахи из котла были такие, что, несмотря на съеденное у монахов, рот тут же наполнился слюной.

– О! Смотрите, кто явился! – растянулся радостной улыбкой Фрэир, маячивший у валуна в полном снаряжении: шлем, щит, копье.

– В карауле? – догадался Синдри.

– Так надо ж кому-то! – довольно отозвался парень. – Фритьеф сказал, что постарается посреди ночи подменить. Говорит не верю, что всю ночь отстоите... Идите к Сигмунду, форингу не терпится узнать, как сходили.

Сигмунд обнаружился в палетке вместе с Фритьефом.

– Гляди-ка, живые! – усмехнулся ветеран.

– Рассказывайте, – качнул головой форинг.

Собственно, говорил в основном я, парни лишь дополняли, иногда тем, что я не заметил. Монастырь, по сути, был нищий, монахи питались хуже, чем рабы в доме отца Бьярни, по меткому замечанию моего друга. Но готовы были отдать последнее, чтоб мы протянули зиму.

Вообще тот же Вальтер мне стал симпатичен: добрый, я бы даже сказал радушный и открытый человек, он отвечал на мои вопросы охотно, ничего не скрывая, будто и помыслить не мог, что собеседник строит коварные планы и пытается выведать что-то. Так я узнал, что монахов было три десятка человек, кроме них на острове никого – ни охраны, ни монастырских крестьян. Паломники временами навевались, но до весны можно было не ждать – сейчас сезон штормов, потом узкий залив, фактически фьорд скует льдом, а пристать к берегу еще где-либо почти невозможно.

При этих словах «старшие» переглянулись.

– Что еще?

– На острове есть дикие козы. Монахи изловили и приру-

чили несколько, что дают им молоко, но стадо небольшое. Рыбу не ловят, не умеют. Зерно только привозное. Греются торфом, здесь есть небольшие залежи, а вот с лесом туго – деревца есть, но мало и все корявые. Монахи в основном молятся, поддерживают постройки, да возятся на своем огоро-
дке.

Сигмунд взглянул на Фритьефа

– Это еще что такое?

– Люди травы разные выращивают.

– Лечебные?

– Не, – качнул жбаном ветеран, – для еды.

– Люди траву едят? – брови брата взлетели вверх.

– Так это ж люди, – развел руками здоровяк.

– Точно, скот, – резюмировал Сигмунд.

А вот я, узнав про выращиваемый здесь лук, чеснок и морковь оживился. А вот и зеленуха, по которой я скучал с момента попадания! Конечно, хотелось бы укропчику, петрушечки и особенно рукколы, но на нет и суда нет. Жаль монахи не на этот раз не угостили, темно уже было по огороду шариться.

– Ладно, – подвел черту Сигмунд, – вернулись, живые, и хорошо. Утром тинг проведем, а пока ужинайте, и спать.

Отдали должное каше. Не то что у монахов: эта была с мясом – солониной. Слегка подтухшей, но это ерунда. И обильно сдобренная сливочным маслом... правда уже про-

горклым. Зато наваристая!

Принесенный хлеб Кнуд повертел в руках, хмыкнул, и ки-нул в сторонку. Орки хлеб пекли очень редко. А вот я с удо-вольствием отломил добрую краюху.

– Что ты ломаешь? Ножа нет? – напустился на меня наш кормщик-кашевар.

– Ломанный хлеб в три раза вкуснее, – с набитым ртом прочавкал я.

– А тут у нас что? – чуть ли не трясущимися руками Кнуд развязал бурдюк. – Хм, не пахнет ничем... Что вы принес-ли-то?

– Да я почему знаю! Мне что дали, я тому и рад, – отпари-ровал я.

Кнуд осторожно отхлебнул.

– О боги! Вода?! – скривился старик, – Вам дали воды?

– Монахи не пью вино, – пожал я плечами, – у них тут строго. Едят столько, чтоб ветром не качало, остальное го-ворят уже излишество, пьют только воду...

– Да что они такое? – взмахнул руками старик

– Не скандаль, – подошел к костру Фритьеф, – питьевой воды у нас считай, что не осталось, да и та почти стухла, так что будь благодарен. Завтра, кстати надо поискать источник. Асгейр, ты не спрашивал у монахов?

Я только пожал плечами, уминая варево.

– Ладно, парни, ешьте и спать. Вы считай отдыхали там, пока остальные тут горбатились. С полуночи я вас в караул

подниму, так что не засиживайтесь.

Блин, ну вот и выступай разведчиком! Никакого уважения, никаких преференций.

Ночью Фритьеф меня поставил повыше. Видимо из-за арбалета. Я сменил клевавшего носом Ойвинда на верху небольшого ровного и свободного от валунов участка, что вполне мог стать нашим лагерем. Выше склон переходил в сплошную и очень крутую скалу, фактически не проходимую. Подо мной раскинулся узкий залив, драккар у берега, пока кое-как установленная палатка и груда вещей на берегу. Большинство парней улеглось в палатке, лишь некоторые предпочли заночевать на палубе, по привычке завернувшись во всё, что нашлось. Где-то под ногами еще тлели угли костра, левее меня, у уже знакомого валуна маячила фигура Синдри, Бьярни поставили где-то справа, у противоположного края.

В обмен на вид я получил сильный ветер, временами кидавший в меня пригоршни дождя, но горячий ужин придавал сил и поднимал настроение. А еще я успел немного подсушить в монастыре сапоги, носки и обмотки, так что жизнь мне теперь казалась радужной. Мы перезимуем здесь, подлатаем корабль и по весне вернемся в Оркланд. Что дальше? Да что сейчас загадывать наперед, вот окажусь в Бorge, сгоняю в одаль к Гунару... Как там Гретта? Наверно родит уже к моему возвращению. А может? ... Но я усилием воли

запретил себе думать про собственный домик, тихую семейную жизнь.

Мысли сами собой перенеслись на события минувшего вечера – наше появление здесь, монахов, брата Вальтера. Его слова про то, какой путь я выбрал...

Давно задвигаемые в дальний угол сознания мысли вырвались наружу. Почему-то вспомнился рваноухий Ларс с толстяком... Как его звали? Уже не помню. И то, как легко они были готовы лишиться меня жизни из-за рыбы и шмоток... Конечно, они думали из-за денег, но, по сути-то!

Блин, я понимаю, парни на драккаре вышли в море чтоб обеспечить семьи. Тот же Бьярни, всё время говорит, как непросто его семье. Добыча, которую он рассчитывает получить, здорово облегчит жизнь его близким. Когда на кону жизни твоих родителей, твоей жены, ребенка...

Или Синди. Тот хочет славы, это же видно. Как, кстати и Калле. Прожужжал все уши, про то, что его-то ждет пир у Одина, а не посмертье у Хелль, что ждет остальных. А внимание валькирий надо заслужить.

Но как? Убивая и грабя полунищих крестьян? Что с них взять? Или вот таких монахов, как этот брат Вальтер?

Я, конечно, дитя своего времени, на рассекающих в «Мерседесах» лоснящихся «служителей культа» насмотрелся. И про «банк Ватикана», и про педофилию... Наверно на Земле где-то есть настоящие подвижники, не за бабки или положение в обществе принимающие обеты, но мне в той жизни не

повезло с ними пересечься.

А вот местные монахи были как раз теми самими, настоящими! И заповеди про помощь ближнему, и нестяжательство блюли так, что порой это грозило их выживанию. Не представляю себе брата Вальтера на Мерсе, ну вот никак!

И чем, скажите мне, я буду лучше того Ларса? Или тех гопников, что чуть не оставили нас гнить у дороги, после посещения Борга? Или тех, кто вырезал всю мою семью ... в смысле, семью местного Асгейра?

Если честно, огров, что грабили мы в самом начале мне было не жалко. Тем более они каннибалы. Но с огров брать особо нечего, нас туда скорее для разминки водили.

А людские крестьяне? И тут я вспомнил крайнее наше дело. В памяти всплыл допрос, устроенный мной дружиннику с напрочь позабытым именем. Вот кого не жалко! Ни самих феодалов, ни их свиты, ни их бойцов! Да и памятная по школьному курсу «пищевая пирамида феодализма» не совсем забылась.

Вот кого надо «щупать за мягкое»! Там настоящие деньги, там слава! В конце концов, они военные профессионалы, как и мы сами выбрали этот путь.

Решено!

Я встал, скинул плащ, потянулся. Порыв ветра тут же попытался скovyрнуть меня, намочил порцией дождя. Ерунда! Я принял решение, и путь впереди начал принимать более светлые очертания.

Я больше не обагрю руки кровью простого крестьянина!

Глава 3 Ну что, зимуем?

На утро Сигмунд собрал тинг. Опять братец решил поиграть в демократию, ничего его не учит.

Меня как раз к утру сменил Хальфдан, так что я принял там самое что ни наесть горячее участие... себе на голову.

– Ну что ж, парни, – начал вещать наш форинг, – мы, благодаря Ньёрду и Одину, счастливо избежали смерти в бурном море. Вознесем им хвалу и давайте решать, что будем делать дальше?

Зря ты так, мысленно хмыкнул я, игры в демократию требуют очень подвешенного языка, чтоб крутить общественным мнением в нужном тебе направлении. В противном случае кто-то тебя может перегорлопанить.

– А какие варианты? – крикнул я с места.

Ага, «огласите весь список, пжалуста». И икнуть не забыть!

На меня покосились. Тинг собрали под открытым небом, под бортом корабля. Как раз начался отлив, и наш «Морской ворон» улегся на песчаную подушку, накрененный в сторону от берега.

– Да что тут думать! Давайте починим корабль и пойдем домой!

Я не видел кто выступил с «ценной инициативой», по голосу кажется Рерик.

– Как ты его починишь? – насмешливо каркнул Кнуд, – Ты плотник? Может ты корабельщик? Просветишь нас, как сделать бортовую доску на острове, где нет ни дубов, ни ясеней. Вообще никаких подходящих деревьев.

Взгляды произвольно скрестились на Сноре. Он, еще с парой парней с самого рассвета ходил на разведку. Конечно, полностью излазить весь островок они не успели, но заметить подходящий лесной массив, при его наличии конечно смогли бы. Однако Снор молча покачал головой.

– А можно треснувшую доску ... скобами стянуть, – неуверенно предложил Эйнар.

Трещина была как раз на осушившемся борту, и лицезреть ее могли все, прям с места. Скверное зрелище – одна доска, прям в том месте, где дно плавно переходит в борт, треснула почти по всей длине и разошлась так, что палец пролезал.

– А скобы, где ты возьмешь? – как в пинг-понге отпарировал Кнуд.

– Сделаем... – еще более неуверенно протянул Эйнар.

– Так ты кузнец! – издевательски обрадовался кормчий.

– Я нет, – мотнул головой парень, – но может ... кто умеет?

– Да? Ну, так спросил бы сначала друзей, нет ли среди них кузнеца... – обманчиво мягко начал кормчий, а потом обрушился на парня так, аж брызги слюны полетели, – а не лез бы с глупостями, когда мужчины разговаривают.

Блин! Да, какого черта? Колль ведь был отрядным кузнецом! Так почему у нас нет? А, братишка? Впрочем, кидать предьявы Сигмунду я не стал. Толку то?

Эйнар покраснел как рак, но дерзить старому кормчему не стал. Не тот авторитет.

– Значит быстро починить корабль мы не можем, – задумчиво резюмировал Сигмунд, выделив голосом «быстро». Вновь обвел всех взглядом печального ослика, – Выходит будем зимовать.

Переглядки, шепоток... Народ пожимал плечами.

– Так если всё-равно зимовать, то может не в палатке? – раздался голос Болли. Когда волосатик успел помыть голову, ума не приложу, но его блондинистая копна опять заплетена в кучу косичек. Вот пижон хренов!

– А где?

– Парни, – Болли вышел вперед, встал рядом с Сигмундом и развернулся к толпе, – мы ж вчера видели отличный монастырь. Каменный! Там всего три десятка каких-то монахов. Это даже не крестьянское ополчение. Вы видели, как они вчера выперлись? Без щитов, без стрелков... Это будет лёгкая прогулка, парни, зато потом мы сможем жить на всём готовом до весны!

Ах ты ж... И где это ты узнал про три десятка? Вчера, пока мы докладывали результаты, были только Сигмунд и Фритьеф. Ну и пацаны, но на них я не грешу. Понятно, братеньник уже разболтал ... уважаемому «опытному хольду»?

– Вообще-то, – подал я голос с места, – там нет припасов. По крайней мере тех, на которые ты Болли так рассчитываешь. Мы вчера были у них. В гостях, – Специально уточнил я. – И всё видели. У них почти нет топлива, они не отапливают свои жилища. Они едят пустую кашу, без соли, без масла и без мяса. И траву с огорода...

– Люди едят траву? – охнул кто-то из молодежи.

– То, что вам там кинули как собакам... Как свиньям! – скривил презрительную ухмылку волосатик, – Не значит, что они сами так едят. Это говорит только о том, как эти люди к нам относятся!

– Если помнишь, мы представились гоблинами...

– Так тебе и поверили, – Болли выдал кривую ухмылку. – Да они сразу прочухали, кто мы! Просто испугались. Вот и претворились, что верят в твою байку! Короче, что вы слушаете какого-то пустомелю-полукровку?! Пойдемте и захватим их монастырь! А ты, – он вперил взгляд в меня, – если хочешь наконец-то стать хоть чем-то полезным лиду, открой нам калитку, чтоб не пришлось ее ломать.

Я как будто со стороны услышал, как заскрипели мои зубы. Стоящий рядом Синдри схватил меня за руку. И когда это я успел схватиться за рукоятку скрама?

– Остынь, – шепнул мне на ухо шустрик.

Сука! Ведь этот долбодятел и правда ща уговорит пацанов устроить резню монахам!

– Глупая затея! – неожиданно пророкотал голос Фритьефа

Болли аж крутанулся к ветерану. Но тот не дал себя перебить.

– Я вчера расспросил наших разведчиков и кое-что понял. Там большой дом. Полностью каменный. Вы представляете, сколько нам потребуется дров или торфа, чтоб протопить такой? Думаю, – он хмыкнул и вперился взглядом в Болли, – и всех деревьев на острове не хватит.

– Ну что? – крикнул Рерик, – Какое нам дело? Дождемся тепла и уплывем, что нам, жить здесь потом?

– Не перебивай меня, дренг! – небрежно бросил ветеран, даже не глядя на парня. Затем повернулся к народу. – Я видел такие замки. Чтоб их протопить, нужно каждую зиму сжигать целый лес! В общем, если поселимся в их доме, мы всю зиму будем мучаться от сырости и холода... А если мы утеплим палатку, да еще снимем палубный настил с корабля и положим на землю. На подпорках... И сложим небольшой очаг внутри. Мы проведем зиму в тепле и сухости. И никто, – слова превратились в гири, – не заболит.

– Фритьеф, – снизошел до общения со здоровяком Болли, – не пойму, ты на чьей стороне? – он помолчал, скривился, махнул рукой. – Ладно! Если так хотите, зиму можно провести и в палатке, – вид у него, правда, при этом был такой, будто только что целиком лимон схомячил, без сахара, – Тогда пойдемте, и заберем у них всё, что найдем! Мы же за добычей вышли в море? Этого еще никто не забыл?

Вот паскуда! Но не успел я подать голос, как вступился

Бьярни.

– Там нет добычи, Болли. – приятель говорил негромко и веско. И его не перебивали. – Если ты помнишь, и я там вчера был, и всё видел. Что ты хочешь оттуда взять? Грязные обноски, в которых ходят эти люди? Да я такие даже рабам своим постеснялся бы дать. Их деревянную посуду?

– Но у них наверняка есть дом бога? Ведь в каждом большом селении был такой, – влез в дискуссию Эйнар. – Мы всегда брали хорошую добычу в таких домах.

– Да нет там ничего! Я тоже там был! – крикнул Синдри, – Голые стены. Ни тканей, ни подсвечников! Ничего!

– Разве такое бывает? – С сомнением посмотрел на Фритьефа Бруни

– Я о таком слышал ... – начал Фритьеф, но я перебил.

– Извини, Фритьеф, что перебиваю. Давай я отвечу? – здоровяк кивнул. Я поблагодарил взглядом и продолжил. – Все вы знаете, что люди молятся своему богу. Они называют его Спасителем...

– Что-то плохо он их спасает! – глумливо ввернул Рерик.

– Заткнись, Рерик, я рассказываю важное тингу!

– Ах ты... – взвился парень, но наткнулся на взгляды Сигмунда и ветерана, и не стал развивать.

– Спасибо, – изобразил я полупоклон в сторону «старших». – Так вот, некоторые люди, желая лучше служить своему богу и рассчитывая получить после смерти награду от него, уходят в монастыри, говоря, что отказываются от мир-

ской жизни.

– Асгейр, зачем ты это нам рассказываешь? Что нам с этого знания? – попытался перебить меня Эйнар

– Имей терпение, дослушай сначала, – оборвал его я. – Но люди, это люди. Многие, уходя для вида в монастырь, не хотят отказываться от сладкой жизни. Наоборот, утверждая, что молятся за все, и это тяжкий и очень важный труд, они заставляют обычных крестьян работать на себя. А когда у тебя много работников, да еще ты не платишь налогов, твое богатство ширится и растет!

– Что-то я не пойму тебя, Асгейр, – задумчиво протянул Сигмунд. – То ты говоришь, что монастырь бедный, то наоборот, рассказываешь, что монастыри это сосредоточенья богатств на людской земле.

– Подожди, форинг, – чуть не назвал его братом, но решил, что сейчас не к месту, – сейчас ты всё поймешь. И другие, – усмехнулся, – если у них мозги есть.

– Да что вы его слушаете?!

– Помолчи, Рерик, – оборвал Кнуд, – ты свое предложение уже озвучил.

– Так вот, – продолжил я, – большинство монастырей у людей – это действительно очень богатые места. Но некоторым, особо рьяным верующим в Спасителя это не нравится. Их бог заповедовал довольствоваться малым, вот поэтому некоторые, отринув лукавую жизнь большинства монахов, уходят в такие вот глухие места, и живут там согласно

заповедям. Но в рвении своем, они, как по мне, – добавил я и усмехнулся, – перегибают палку. Они хотят быть более святыми, чем есть, более ревностными. И в стремлении своем доходят до ... – не «абсурда», а чем бы заменить? – до того, что ходят в нищей одежде, едят мало и бедно, не топят свои жилища... И не собирают никаких богатств!

– Понятно, – кивнул Фритьеф, – ты своей долгой и запутанной речью хотел сказать, что это не такой монастырь, как мы привыкли, и что у этих действительно нечего брать?

– Да, Фритьеф, мы не добудем там никакой добычи. И жилище их нам не подойдет!

– Так пойдем и убьем их просто потому, что они люди! – припечатал Болли.

– Болли прав! – чуть ли не синхронно подали голоса Эйнар и Рерик.

Да офигеть! Что ж вы за маньяки такие?

– Зачем?

– Потому что это люди! – рубанул рукой Болли. – Потому что это наши исконные враги! Потому что на их руках столько нашей крови, что хватит наполнить море! Потому что они убивают нас, где бы ни встретили! И поэтому... – Болли перевел дух, – Где бы ты не встретил человека – убей его!

– Да! Да! Пойдемте, убьем людей! – раздались воодушевленные крики.

– Болли прав! Слава ему! Ведите нас на монастырь! – громче всех орал Рерик.

– Тихо все! – поднял руки Сигмунд, – Я еще не принял решения!

Так, пора брать дело в свои руки!

– Послушайте, все! Послушай, Сигмунд! – я протолкался вперед, и встал рядом с братом, по другую сторону от волосатика. – В том, что вы задумали нет ни славы, ни добычи. Напомните мне, не за ними ли вы пошли в поход? – Я тоже обвел взглядом народ, задерживаясь на миг при взгляде в глаза. Конечно, за исключением Рерика и Эйнара. – Чем мы тогда лучше тех же чёрных?

– Чёрные грабят своих! – крикнул Бруни

Я лишь дернул щекой, и повернулся к брату.

– Послушай, Сигмунд! Ты же помнишь, как я выведал у того человека, где зарыт его клад? Ты помнишь, как я допросил воина человеческого ярла, благодаря чему мы взяли небывалую добычу?

Повисла пауза. Рерик хотел было что-то вякнуть, но краем глаза я заметил, как его оборвал Синдри. Парень дернулся, но за спиной шустрика тут же замаячила фигура Бьярни, и инцидент не получил развития.

Наконец внимательно смотрящий на меня Сигмунд медленно кивнул. Я продолжил:

– Всякий раз, когда я применял знание человеческого языка, нам везло!

– В тот раз, когда ты допрашивал того дружинника, я потерял брата! – злой выкрик Эйнара.

– Эйрик знал, на что шёл! – отмахнулся Фритьеф, – Теперь он в Вальгалле, смотрит на тебя сверху. А нам тогда, действительно сопутствовала небывалая удача!

Я, не отрываясь, смотрел прямо в глаза брата.

– Дай мне узнать у этих монахов больше про людей! Про их мир, про то, где больше добычи! Поверь мне, знание – это сила. Согласись, хороший охотник знает повадки зверей, а хороший рыбак должен много знать про рыбу, чтобы наловить ее вдосталь! Так почему мы не хотим знать больше про людей?!

Сигмунд молчал. Народ по большей степени тоже стих.

– Парень прав, форинг, – качнул головой Фритьеф, – обычно мы тыкаемся наудачу. Если мы будем лучше знать, где расположены их богатые селения и где стоят их сильные замки, мы и взять сможем больше.

– Но чтоб пережить зиму, нам нужно многое! Давайте хоть это возьмем у монахов! – Болли сделал еще одну попытку.

– Болли, то что ты хочешь взять в монастыре, мы можем просто купить! – усмехнулся я. Этот раунд, похоже всё ж был за мной. – То, что нам может понадобиться, не стоит и пары серебряных монеток! А у нас их после последнего боя столько... Что можем купить этот монастырь целиком, и нашей добычи не уменьшиться.

– Решено! – обрывая «бу-бу-бу» наконец-то подвел черту Сигмунд. – Мы не будем грабить этот монастырь и убивать монахов! Зимует в палатке, все, что нам может понадобиться-

ся, постараемся купить или выменять. Здесь есть дикие козы, кое-кто, – он взглянул на меня, – обещал наловить рыбы.

Я чуть было не возмутился, когда это такое было! Но вовремя сдержался.

– Зерна у нас много, – заметил Фритьеф, – голодать не будем.

– Сигмунд, – негромко позвал я брата, – потребуй с них клятву.

– Что?

– Скажи, чтоб поклялись, что не тронут монахов, – тихо, но твердо проговорил я.

Брат ответил долгим, внимательным взглядом. Стоящие ближе всех и слышавшие это в изумлении выкатили глаза. Как и Болли, буквально потерявший дар речи от бешенства.

– Ну что ж... – протянул форинг, – Будь, по-твоему.

Он развернулся к народу.

– Слушайте все! – подождал, пока парни перестанут шушукаться и уставятся на него. – Поклянись, что вы не причините вреда этому монастырю! По крайней мере, эту зиму! Или пока они сами не нападут, или не станут угрозой нашей жизни!

– Клянемся, форинг, – нестройно прокатилось по рядам.

– Что?! – Болли чуть ли не трясло

– Поклянись! – набычился Сигмунд, – Этого хочу я, твой форинг! Поклянись Болли.

Секунда-другая... Болли и Сигмунд столкнулись взгляда-

ми. Наконец волосатик отвел свой:

– Я... Я ... Я клянусь. Клянусь не трогать этот монастырь. Эту зиму.

И взгляд, ожегший меня исподлобья, мог бы просверлить дыру. Если б мог.

Когда народ уже начал расходиться, в спину мне прилетело

– Асгейр!

Я аж вздрогнул, будучи под впечатлением от молчаливых обещаний волосатика. Повернулся. На меня пристально смотрел Сигмунд.

– Смотри, брат, – он подчеркнул это «брат», – смотри чтоб я не пожалел о своем решении. Понимаешь?

Я кивнул.

– Нет. Ты, похоже, не понимаешь. Ты должен узнать у монахов такое... чтоб это на самом деле принесло нам всем пользу. Такую пользу ... чтоб об этом сложили песни и саги!

Не дожидаясь моего ответа, он развернулся, и ушагал в направлении палатки.

– Асгейр, – подошел ко мне вплотную здоровяк. – А откуда ты узнал, что прочие монастыри такие ... такие ...

– Любители богатств? Любители много и сладко есть, хорошо одеваться и набивать сундуки? – подмигнул ему я.

Фритьеф кивнул. Что сказать? Что я опирался на то, что знаю о монастырях Западной Европы по школьному курсу и

художественным книгам?

– Так мне монахи рассказали... – простодушно развел я руками.

– Фритьеф, – окликнул я здоровяка, когда и тот собрался уходить.

– Что?

– А почему ты мне помог?

Я не развивал мысль, но мы оба поняли о чём речь.

– Хы... – усмехнулся ветеран, – Слишком уж сильно этот ... рвется к власти. Слишком уж хочет, чтоб Сигмунд и парни слушали лишь его!

– А ему-то это зачем?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Может долю мою захотел, может... – и он еще раз пожал плечами и тоже отправился восвояси.

Болли выбил себе охотничью команду, в инициативном порядке объявив, что берет на себя снабжение нас мясом.

Вообще-то мне показалось, что изначально на это дело претендовал Фритьеф. Видимо ветеран рассчитывал, что охоту он и так получит по-любому, как ближник форинга. Но когда Болли неожиданно сказал, что он уже и команду подобрал, и вообще – дело это, по его мнению, уже решенное, обсуждать нечего ... а Сигмунд только кивнул, здоровяк сверкнул глазами, скрипнул зубами и не стал гнать волну.

Блин... Честно говоря, я почему-то рассчитывал, что охо-

той займемся мы с Региным. Ну, логично же: два стрелка, кому еще охотится? Однако лучник, когда я тихонько у него поинтересовался, заявил, дескать лук у него избыточно мощный для охоты... Да? Как это может быть, не представляю... Да и стрел подходящих нет, они все на человека в какой-никакой защите рассчитаны, а тут бы больше подошли охотничьи срезни. И вообще – загонной охотой парни больше добудут... Короче, наш снайпер тупо отморозился... Хотя меня не покидало ощущение, что Регин просто не захотел идти «под руку» волосатика.

Вторым сюрпризом оказалось, что дредованному не составил компанию его вечный кореш Моды. Странно, ведь они вместе пришли наниматься, а до этого, кажется, вместе ходили в походы под началом Свена Бешеного Кабана? Сейчас в строю стояли рядом и на вёслах, время проводили вместе. А тут хренак, и Моды заявляет, что и так охотников дофига, а он лучше позаботится о заготовке торфа...

На меня, вместе с Синдри повесили рыбную ловлю. Ожидаемо, поскольку в команде оказалось только два бывших рыбака, а рыба – это ценный пищевой ресурс, игнорировать который перед лицом долгой зимы глупо. Соль у нас была, поскольку в деревнях, если ее находили – выметали подчистую.

Распустив один из канатов, получили вполне годную лесу, для плетения сети. Нам в помощники Синдри рекрутировал Фрэира и Торстейна и, конечно же, Бьярни. Тот, в свою

очередь сагитировал Снора, с которым неплохо сошелся. А седьмым к нам в «рыболовецкую бригаду» неожиданно попросился Регин. Удивился даже Сигмунд, но возражать не стал. Тем более, как оказалось, стрелок крайне ловко вязал узлы и плел сетки.

Так же на мне повисла коммуникация с монахами. Типа: обещал, что всё нужное мы у них раздобудем? Вот и давай, добывай. К моему удивлению компанию мне в этом деле составил Фритьеф.

– По крайней мере, послежу, чтоб не сболтнул лишнего, – объяснил ветеран форингу.

Так и пошла наша жизнь. В принципе, мы обходились своими запасами и тем, что добывали. Болли с командой обеспечивали козлятиной. Рыбой, хоть и не в изобилии, наша рыболовная банда. Остальные несли караулы, добывали торф для очага, да резались в настольные игры.

Спустя пару недель как-то то ли за завтраком, то ли за ужином кто-то ляпнул, дескать хорошо сидим, и вроде как не в походе, но всё равно – на сухую. Окружающие, услышав эту мысль, тут же заскучили рожам. Без баб, конечно, не весело, но без пива...

В следующий свой приход в монастырь, с подачи Фритьефа я аккуратно заговорил на эту тему с братом Вальтером. И оказалось, что монастырский устав разрешает братьям изредка пить пиво!

Нет, самого пива у монахов не было, но я договорился, и нам дали большой медный котел, а еще – сушеный хмель! Зерно у нас было свое, осолаживать, дробить и затирать умели многие, до культивации и использования дрожжей тут не одна сотня лет, но без хмеля пива не получилось бы. Теперь же народ повеселел, разошёлся ... и тут же сбавил обороты, поскольку Сигмунду пришлось жестко ограничить количество зерна, которое могли пустить на пиво. Но и этому народ был рад несказанно.

Конечно, я много времени проводил с братом Вальтером. Подтянул язык, а еще Вальтер научил меня читать! Книг в монастыре было мало и сплошь богословские, но всё же! Ведь что такое книга? Можно сказать это «консервы» знаний, которые можно потреблять не тогда, когда рядом есть некто, готовый тебя просвещать. Книги можно брать с собой и, когда есть время, неспешно, с чувством с толком «потреблять».

Разве что в плане изучения мироустройства меня ждал облом. Многие монахи, в том числе и брат Вальтер, очень давно отошли от мира. Более того, большинство монахов, хоть и было из так называемого благородного сословия, но обширными знаниями не обладали. Впрочем, я и тому, что узнал был рад.

Глава 4 Холодные будни

Шлёп-шлёп-шлёп. Кожаные подошвы шлёпают по обледенелым валунам – я ловко перелетаю с камня на камень. Подумать только, полтора-два месяца назад, еще до снега я тут передвигался кое-как, используя копые как посох, чтоб не свалиться с тогда еще совершенно сухих камней. А теперь я даже копые с собой не беру – перескакиваю полутораметровые расстояния как горный козел.

Дольше всего привыкали стопы – на ногах кожаные «тапочки», что носят здесь все: и орки, и люди, и гоблины: два куска кожи – подошва и верх. Кажется, на Руси это когда-то называлось «поршнями»? Не знаю точно, никогда не был реконструктором, слово недавно всплыло в памяти, может читал когда, может в видео попадалось...

Вообще-то в походе мы носим высокие сапоги, прозываемые «морскими» – какая-никакая защита от морской воды. Но их жалко, а поршни что? Взял с туши козла кусок шкуры – Бьярни наловчился их дубить корой местных деревьев – и присобачил дратвой на подошву. Протираются конечно, от такого использования – я за три месяца наверно четвертые подошвы перешиваю. Но физуха в местных реалиях – ресурс бесценный. Ты можешь быть хоть златоустом, хоть мега-прошаренным продуманом, вот только до применения мозгов еще дожить надо. Если ты выглядишь как хлюпик –

даже рот открыть не дадут. Поэтому несмотря ни на что я занимался каждый день.

Изначально-то, буквально первый месяц нашей вынужденной зимовки занимались почти все: бегали, забавлялись строй на строй, кидали сулицы и топоры. Но потом, то один, то другой завязывал с бегом, объясняя всё как раз повышенным расходом обуви на камнях, да в сугробах.

А сейчас только я, зарабатывая то косые взгляды, то снисходительные усмешки, продолжал бегать. Конечно, мне б еще массы поднабрать, чтоб наконец сравняться с остальными орками, но на таких харчах о маснаборе думать бестолку: мы не голодали конечно, но и избытком белковой пищи похвастаться не могли.

Вот и бегал, по пересеченке. А тут весь остров – одна пересеченная местность, поэтому мои занятия скорее можно назвать «скоростным перемещением»: скачки с камня на камень, спринтерское лазанье на небольшие склоны, прыжки в длину через трещины и расселины. Раньше, пока снега в низинах не навалило, бегал и там, но когда толщина сугробов поднялась выше колена... а потом и по пояс... решил, что продуваемые бесснежные склоны более подходящая трасса.

А еще я наконец-то плавал! Правда приходилось для этого отбегать, чуть ли не на дальний конец острова, наверно не меньше часа в одну сторону. Лезть в ледяную морскую воду, пробираясь сквозь прибойную зону, заваленную крупными булыжниками. Но, Господи! Как же мне этого не хватало!

Когда толща воды отсекает те шумы, что царствуют над поверхностью, и добавляет свои, присущие только морю. Когда тело скользит сквозь обтекающие его струи. Когда фактически добавляется еще одно измерение, для перемещения!

Ныряя, я замечал, как по границе видимости ходит какая-то крупная рыба, правда достать ее было нечем. Моллюски попадались. Впрочем, я их не брал – что бы я с ними делал? Готовить самостоятельно – затея глупая, нет у меня ни котелка, да и с дровами на острове туго. А кидать в общий котел? Как бы я объяснил их происхождение? Ну хоть легкие развиваются, да впервые в жизни удалось нырнуть глубже двух-трех моих ростов. Раньше, в моем «тёплом фьорде» таких глубин не было.

Навстречу, из-за небольшой скалы выскочила пара козлов – местная фауна. Увидели меня и шарахнулись в сторону. Сознание, впавшее в транс длительного бега, подметило этот факт, но оценить не успело...

– О! Смотрите парни, наш ублюдок! – поперек моего пути стоял Болли со своей командой. Копье небрежно на плече, расслабленная поза, на губах издевательская ухмылка.

Я затормозил, только мелкая осыпь полетела по склону. Чёрт, удачно они меня подловили: склон, вверх никак – сплошная скала, вниз – костей не соберешь...

– Ага, все хорошие орки работают, только этот ... А говорил: я вам рыбы! Я вам того, я вам сего! ... Я у людей выню-

хаю, где их самые жирные поселения!

Сука ты, Эйнар. Всегда был козлом, а сейчас, связавшись с волосатиком, стал еще говнянее. Стоит за плечом, глаза злые. Чё я тебе сделал-то? Не я твоего брата завалил, не повезло ему, любой мог быть на его месте...

– Тебе не достается рыбы, Эйнар? – переводя дух, изобразил я усмешку, – Не надо жалом за столом водить. Или у вас всё ваш вожак отбирает? – я кивнул на Болли. – А монахи меня только днем ждут, так что дайте пройти, я тороплюсь.

– Ха, торопиться он! – глумливо ощерился Рерик, – Скачет, значит по скалам, как козел. Так ведь и добежаться можно. Нога соскользнёт, и готов! ... Что скажешь, а Болли? – подмигнул он предводителю.

Я произвольно положил руку на топор, торчащий за поясом – ним не расстаюсь. Оценил ситуацию – хреновый расклад: Болли, Эйнар, Рерик, за спинами маячили Бруни и Хальфдан. Эти хоть и не смотрят волками, но рожи хмурые, недовольные. Понятно – наслушались про меня всякого...

И у всех копья, хоть и без щитов. Шансов – никаких.

– Стоит о такого руки пачкать? – скривился Болли, – Тем более форинг ждет, что он что-то там у людей выведает, – потянул паузу, оглянулся по сторонам... – Ладно, пропусти-те его, парни.

И сам первый сделал шаг в сторону. Я произвольно сглотнул. Неужели так разойдемся? Чёт не верится...

– Жаль, – прищурившийся Рерик неохотно освободил до-

рогу. – А так бы сказали, что сам на копыя выскочил... Как козел! – он ухмыльнулся. – Или уже нашли такого.

Шаг. Шаг. Шаг. Поравнялся со стоящим впереди Болли. Ни я не он головы не поворачивали, только скосили глаза, сопровождая друг друга взглядами.

– Чё ты мокрый такой? – не удержался Эйрик, когда я протискивался мимо.

– Мылся, – буркнул я, – не всё ж кой-кому переводить щёлок на свои патлы.

В спину прилетела усмешка Болли.

Не, я всё понимаю, орки офигеть какие чистоплотные, по возможности будут мыться по несколько раз в день, но у всего же есть разумный предел! Этот орочий метросексуал возился со своими волосами, как какая-нибудь Московская блонда!

Прошел хмурых Бруни и Хальфдана. Эти отводили взгляды. Шаг, другой... Неужто пронесло? Я приготовился выдохнуть, и вновь перейти на бег. Не успел...

– Эй, ублюдок, – донеслось мне вдогонку.

Чёрт! Неторопливо обернулся, мысленно готовясь ко всему. Для копыя – самая дистанция, а мне и закрыться нечем.

Болли пристально смотрел вслед. Потом сделал несколько шагов в моем направлении, остановил жестом дернувшегося было за ним Рерика.

– Ты оскорбил меня, ублюдок, – сказал он, подойдя почти вплотную. Я даже запах пота его почуял. Сказал не громко,

но так, что у меня внутри всё заныло. – Ты выставил меня дураком перед всем лйдом, усомнившись в моих решениях... А я этого не люблю, – покачал он головой. Затем усмехнулся, окинул оценивающим взглядом. – Ты ответишь за это, ублюдок. Не сейчас, но ответишь. И мне плевать, чей ты родич ... Родной берег ты не увидишь. Обещаю!

– А вот и наш бегун! Чёт долго сегодня, мы уж тут замерзать начали!

На утоптанной снежной площадке чуть выше палатки подпрыгивал, размахивая руками Синдри. Разминался.

– Ну что, разогрелся? – подмигнул он мне, – Давай два на два, – кивнул на подходящих Фрэира и Бьярни.

– Вчетвером?

– Ага! – жизнерадостно заулыбался шустрик, – Регин и Торстейн у полыньи остались, хотят еще по забросу сделать.

– Нормально хоть сегодня получилось?

Честно говоря, парни меня покрывали... Ну как покрывали? Секрет это был Полишинеля что, научив работать захапами и более-менее наладив процесс, я, по большей степени, на рыбалку забивал: бегал, ходил к монахам. Но рыбы хватало. Да и сомневаюсь я, что напруубай мы в заливе еще хоть десяток полыней, рыбы будет больше.

– Нормально, – степенно кивнул Бьярни, – даже на засолку оставили.

Значит действительно – нормально. Обычно не шедшую

на стол рыбу морозили, благо весь остров был один большой морозильник. Если на засолку, это значит будет запас на будущее. На первое время. Пока первую деревню ... не ограбим.

– Ну чё? – «бил копытом» Синдри, – Вы с Бьярни, я с Торстейном?

Я кивнул – норм расклад. Торстейн хоть не такой здоровый как Бьярни, но выше нас с шустриком.

– Только Синдри, – попросил Бьярни, – давай сегодня без ножей?

– Да как это?! – взвился тот.

Синдри был мастером ножевого боя – мелкий, по сравнению с остальными, подвижный, резкий как ... ну вы поняли. И, как правило, большинство наших дружеских спаррингов заканчивалось тем, что он проскакивал под копыта, входил, так сказать, в клинч, и завершал дело быстрой и неожиданной атакой саксом в обход щита.

– Ну, вспомни, когда в строю до ножей дело доходило? – попытался воззвать к совести маньяка-ножемана Бьярни, – даже до топоров редко когда.

– Не брезгуй коротким клинком, парень, – внезапно раздалось за нашими спинами, – однажды он может спасти жизнь!

Блин, Фритьеф! Ну как ты умудряешься так незаметно подкрадываться? Хотя гигант, конечно, не крался. Просто быстро, и, несмотря на размеры, очень тихо, как кошка пе-

ремещался.

– Слушай, ну... – я скривился, – по сути же Бьярни прав? В реальном бою так делать не будешь!

– Почему? – скептически прищурился здоровяк.

– Ну, успеет он одного в том строю подрезать, и что? Соседи копьями затыкают! Выглядит такой финт, конечно, красиво, только бесполезно.

– В реальном бою говоришь? – усмехнулся Фритьеф, – И во многих ты был?

Я насупился.

– А что, мало их было, за прошлое лето?

– Да считай, что и не было, – обломал меня в лучших чувствах ветеран, – по крайней мере, серьезных.

– Что, даже когда мы с конными бились? – удивился Синдри.

– Кстати да, Фритьеф, – я приподнял бровь, – парень чуть концы там не отдал... Ну, в смысле, чуть в Валгаллу не отправился.

– Он? В Вальгаллу? – хохотнул здоровяк, на что шустрик потемнел лицом и скрипнул зубами. – Впрочем, мы не о том, – тут же поправился Фритьеф и пояснил. – В любом бою можно встретить смерть. Вон, приятель твой, как его там? Его вообще огриха заporола, как кабана. Скажешь, то большой бой был? Не, мальки, в серьезных зарубах вы еще не бывали.

Мы переглянулись. Да уж...

– Особенно, – продолжал то ли поучать, то ли ностальгировать ветеран, – когда команды с двух или трех кораблей соберутся... Полные команды. И у людей народа не меньше. Вот тогда такая теснота в битве бывает, не развернешься ни с копьем, ни с секирой! Тут только на добрый скрам уповать... Или вот еще! Захочет наш форинг монастырь какой захватить.

– Этот монастырь? – удивился Фрэир.

– Да не, – махнул рукой здоровяк, – В этом брать нечего. Нищebroды, – он презрительно скривился. – А вот есть такие, что с одного можно взять больше, чем мы, за всё прошлое лето.

– Это считая с тем, что мы взяли в лагереи двух людских ярлов? – ахнул Синдри.

– Точно так, – солидно кивнул ветеран. – Монастыри, парень, знаешь какие богатые бывают?

– Так что ж мы? ... – не закончил мысль Синдри.

– Потому что народа мало, – как школьнику, пояснил Фриттьеф. – Даже на маленький монастырь надо рыл тридцать, а то и больше.

– Зачем столько? Неужели монахи вояки не хуже крестьян?

– Монахи вообще не вояки, – качнул головой ветеран, – да вот только они сами не воюют. Нанимают тех, кто будет биться за монашеское серебро. Помните человеческих дружинников?

– Да-а-а... – протянули хором Синдри и Торстейн. Синдри добавил, – серьёзные вояки.

– Во-о-о! – поднял палец вверх Фритъеф. – А теперь представьте, что всё это не в чистом поле да на площади, а в тесных коридорах, где и топором-то как следует не размахнешься. Вы ж были в этом монастыре?

– Я не был, – заметил Торстейн.

– Ну так спроси у друзей, – ветеран кивнул на нас, – они видели, как люди могут строить. Там только коротким клинком и работать!

– Ну и зачем нам тогда в эти самые монастыри лезть? – лицо Торстейна выражало верх скептицизма. – Мы за прошлое лето и на деревнях неплохо взяли. Я таких денег, что получил как долю на Волчьем, и за год не зарабатывал.

Я вспомнил – Торстейн был конечно из свободных, но не бонд. Родители его горбатились на кого-то, типа дядюшки Йоргена.

– Эх, ты... – протянул ветеран. Но я перебил:

– Не, парни, вы, как хотите, а я больше к крестьянам не ходок!

Фритъеф, оборвавшись на полуслове, иронично пригляделся.

– И что же ты сделаешь? Если форинг скажет: вот деревня, идем, и берем ее.

Повисла неловкая пауза, я уже успел в очередной раз проклясть свой язык.

– Не знаю, – буркнул наконец в полголоса, – но крестьяне... Они такие же как ... как я. В прошлом. Пашут, добывают себе пропитание на зиму... А потом приходим мы и всё отнимаем.

– Что предлагаешь? Не брать добычу?

На мне скрестились напряженные взгляды. Чёрт, ну что тут скажешь?

– Да понимаю я... У всех дома остались семьи... Для некоторых, это единственный способ выжить... Но... – вздохнул. – Жалко мне этих... горемык.

– А родных наших? Не жалко? – сощурился Торстейн.

– Блин, ну что ты ... – скривился я, как от лимона, – Я ж не про то! Вот ярлов их, да монахов зажавшихся... Да и дружинников людских, их не жалко! Дружинники сами свою судьбу выбрали. Вроде нас, – пояснил я зачем-то, хоть никто и не спрашивал.

– И у этих есть что брать! – весело подмигнул мне Фритьеф. – Ладно, мальки, показать вам, как надо биться?

Разделились не поровну. Фритьеф взял себе в подмогу Торстейна, а мы втроем нападали. Впрочем – не долго. Не было длительного перемахивания, как в фильмах показывают, пару раз сошлись, и вот уже я пропустил удар в ногу. Ну, хоть с разменом: одновременно с этим Бьярни выбил Торстейна. Ветеран с бродексом остался один, против двух бойцов с копьями и щитами.

Лично я всегда думал, что двуручная секира против бойца со щитом не играет, а уж тем более против двоих. Оказалось – очень даже играет, если ее владелец умеет. Фритъеф работал очень экономно, безо всяких размахов от жопы. Парни тоже не лезли на рожон и не изображали камикадзе – мы ж не реконструкторы и не спортсмены. Что бывает, когда чужое железо соприкасается с твоим телом за прошедший «сезон» уяснили все, в команде не оставалось ни одного, ни разу не раненного.

К тому же, по условиям, мы моделировали бой в коридоре, ограничив площадку воткнутыми вешками, поэтому зайти с двух сторон мои приятели не могли. Вот и пытались подобрать ключик, атакуя то одновременно, то поочерёдно.

Наконец Бьярни получил сильный пинок в щит, отчего не упал конечно, но отлетел назад... Мгновенный скользящий шаг, и Фритъеф оказался вплотную к закрывшемуся щитом шустрику. Копье на такой дистанции стало бесполезным, ветеран подцепил край щита пяткой – ближним углом лезвия секиры – и дернул, открывая тушку парня. Всё! Я уже приготовился увидеть короткий тычок носком топора в лицо, на обратном ходе, но... Синдри просто не стал удерживать щит, отчего Фритъеф качнулся назад, а шустрик, ухватившись левой рукой за топорщице буквально дернул себя на противника, одновременно уходя с линии атаки, и правой, в которой уже не было древка, вбил кулак подмышку выставленной вперед руки противника.

Отскочили друг от друга. Ехидно ухмыляющийся Синдри продемонстрировал здоровяку небольшой нож, зажатый в варежке за клинок, чтоб не нанести реальной раны.

– Откуда ты его взял? – хмыкнул удивленный ветеран, шаря взглядом по поясу соперника.

– Никогда не догадаешься! – улыбка парня стала еще шире.

– Ну? – слегка нахмурился Фритьеф.

– Смотри! – Синдри поднял свой щит, и продемонстрировал пришитые с тыльной стороны ремешки.

Я вспомнил, именно так он достал Калле, еще на «вступительных экзаменах» в лид, в Бorge, прошедшей весной. Как же давно это было!

– Хитро! – оценил Фритьеф. – Сам додумался?

– Отец рассказал. Он говорил, что у них в лиде был парень, что даже пару метательных топориков носил на щите. Тоже себе сделаю, как только найду подходящие.

– Хм, – покачал головой ветеран, – щит не слишком тяжелый получится? Смотри, парень, воспользоваться тебе ими может придется, а может и нет, а вот таскать постоянно... Быстрее в бою будешь уставать.

Задумались все. Конечно, ветеран прав. Вот только... Я вспомнил, что где-то в груде барахла в подпалубном пространстве у меня оставался еще один щит, запасенный еще прошлой зимой. Один из трех, с которыми я явился на сбор, и два из которых мне измочалили весьма быстро. После, я,

как и большинство, пользовался трофейными. А что? Такой-же круглый, с кулачным хватом, попадались даже покрытые кожей с лицевой части, хотя конечно в основном были из голых досок. С задачей справляется? Ну и ладно. Если надо мы подгоняли трофеи под себя, чинили, заново обшивали полоской сыромятной кожи по ободу – времени в переходах под парусом хоть отбавляй.

Идея делать многослойный, так сказать прото-фанерный мне уже не казалась здоровой, слишком уж нерентабельными выглядели трудозатраты: я почти месяц провозился над изготовлением тех щитов, а прослужили они сколько? Эх, был бы я знатный рабовладелец... Эй, Гаврила и Хомяк, мне к следующему лету нужен десяток новых щитов. Выполняйте! И сделайте половину из них такими, а другую половину – сякими... Вот только некому мне так «делегировать», сам, всё сам.

Зато мои щиты были легче!

– Да-а-а... – Синдри потер нос, – Не подумал. Ладно, придумаю что-нибудь.

Он покосился куда-то за мое плечо. Я обернулся. Из-за холма показались наши охотники: Болли с командой. Бруни и Хальфдан тащили на плечах по туше.

– Ну что, парни, – стряхнул задумчивость шустрик, – еще раунд?

Глава 5 Скоро в море, а корабль не готов

Как-то незаметно пролетела зима. Солнце висело над горизонтом всё дольше, воздух начал прогреваться, сугробы вокруг палатки съёжились, уплотнились и потемнели.

Наконец Кнуд, надолго слегший после Йоля нашел в себе силы подняться и выбраться из палатки.

– Вот что, форинг, – слегка всё-еще подкашливая, прокаркал кормчий, – пора нашего Ворона чинить. В море скоро, а мы течем как дырявая бочка.

Сигмунд, стоящий неподалеку повернул голову в сторону корабля и помрачнел. Честно говоря, решение этой проблемы даже не откладывали, а как будто «вынесли за скобки». Типа нет ее. Или вернее, притворились, что есть проблемы понасушнее: еда, топливо... быт.

Корабль мы буквально на следующий день после памятного тинга полностью разгрузили, в том числе от балласта и, смастерив уже знакомые мне блочные полиспасты, вытащили на берег. Поскольку перевернуть кверху килем сил не хватило, сверху его закрыли нарубленными ветками, соорудив что-то вроде шалаша, снеся все барахло, не нужное прямо сейчас, опять внутрь.

– Я понял тебя, кормчий, – наконец вытолкнул из себя наш форинг, скорчил гримасу, как от зубной боли, и утопал.

На следующий день вся команда «прокручивала фарш назад»: разбирала навес, разгружала барахло, короче – освобождала корпус «Ворона» от всего, от чего можно, не нарушая целостности корпуса. И только волосатик, под предлогом, что народ нужно кормить, опять увел своих подручных на охоту.

За зиму трещина никуда не делась – не зарубцевалась, не превратилась в страшный сон или оптическую иллюзию. Короче, с ней надо было что-то делать.

– Может сможешь добыть у монахов подходящую доску? – с надеждой взглянул на меня Кнуд. – Даже если короткую. Заменить треснувшую мы в этих условиях всё равно не сможем, но хоть сверху заплатку наколотим. Гвозди у нас есть.

Наверно, имелись в виду те, что остались от разбитых щитов – выбрасывая измочаленные доски, мы сохраняли железо: умбоны и те самые гвозди. Правда, по сравнению с гвоздями, крепящими доски борта к шпангоутам, эти были какими-то несерьезными.

Я надолго задумался, перебирая в памяти варианты.

– Нет, Кнуд, – опередил меня Фритьеф, – я с Асгейром часто бывал у монахов, нет у них ничего подходящего. Сплошной камень, – пояснил он, увидев непонимание в глазах старика.

– Ну, может, балку какую потолочную купим? Обтешем ее до нужной толщины...

– Я же говорю – камень. У них все потолки арочные.

– Троля отрыжка! – выругался Кнуд.

Не меньше часа обсуждали различные, даже самые фантастические варианты. Наконец пришли к выводу, что придется заполнить трещину смолой, и заклеить сверху крепкой холстиной.

Блин, как по-моему, то какая-то лажа. Конечно, что большие корабли, что маленькие лодки смолили, но... Одно дело, когда смола частично впитывается в древесину или покрывает ее тонким слоем и другое – когда предполагается что в трещине будет ее здоровенный кусок. Но выступать не стал, видел, как разносят различных прожектёров. И это – «уважаемых хольдов», а уж меня-то вообще с дерьмом смешают.

– Так, Асгейр! Где ты там? – Сигмунд отыскал меня взглядом, – Топай к людям, попроси у них смолы, у нас мало и не хватит.

Окей, босс! В смысле я потопал. Как потопал, так и вернулся – монахам смола была без надобности.

– Чего можно было ждать от этого бесполезного?! – злобно выплюнул Эйнар: охотники к этому времени уже вернулись.

Стоящий рядом Болли открыто ухмылялся.

– Плохо, – скривился Сигмунд, – придется собирать.

– Да ты что, форинг! Сколько мы ее собирать будем? – всполошился Ойвинд. – Мы так и к середине лета не отчалим.

– А что ты предлагаешь? – насупился Сигмунд. – Знаешь другие способы починить корабль? Предлагай.

– А что если? ... – начал я.

К этому моменту я уже мысленно отрешился от обсуждения – всё равно ничего путного я не придумаю: я не корабельщик и даже не плотник. В этот момент я мысленно прикидывал, как бы мне приспособить крепление под сакс на тыльную сторону своего «фанерного» щита. А что? Он-то легче остальных – клееный из тонких дощечек за счет многослойности и перекрещивающихся волокон он обеспечивал ту же прочность что и обычный... Клееных! Черт! Как я забыл!

– А что, если место смолы использовать клей?

Похоже меня не услышали!

Так, нафиг, я протолкался вперед, подвинул в сторону Ойвида, мешавшего выйти к «старшим».

– Послушайте меня!

Ноль эмоций – народ зашелся в обсуждении методов сбора смолы. Пришлось драть глотку:

– МЕНЯ! ПОСЛУШАЙТЕ!

– Да чё тебя слушать? Опять фигню какую предложишь? Из-за тебя тут застряли! Не ты, ушли бы осенью домой, и всех делов!

Я чуть не подавился. Рерик, ты в своем уме? Впрочем, парень похож и сам понял, что в желании уязвить меня какую-то фигню сморозил: на него оборачивались, чуть ли

пальцем у виска не крутили.

– Ты чего-то хотел предложить? – перекрывая «бу-бу-бу» толпы прогудел Фритьеф.

– Да. У монахов нет смолы, но у них есть молоко! – я торжественно обвел глазами орков.

Ноль реакции!

– И что? – долетело со стороны Сигмунда.

– Как что? – даже потерялся я, – Здесь никому не знаком молочный³ клей?

– Асгейр, – с укоризной сказал Снор, – нам корабль чинить надо...

Блин! Да что ж вы такие тупые-то!

Молча я протолкался к борту корабля, поискал глазами... Ага, вот оно!

– Видите затычку? – ткнул я в один из чопиков, которые корабельщики поставили на месте сучка в доске, – На каком, по-вашему, клее она сидит?

– На каком? – удивился, все еще не понимая Снор.

Однако стоящий рядом с ним Регин уже улыбался. Расплылся в улыбке и Кнуд.

– Ты предлагаешь сделать вкладыш по форме трещины, и посадить на клей?

Хм... Разве я это предложил? Хотя... Задумался. Можно, к примеру взять древки копий, у нас много трофейных, обтесать...

³ Конечно казеиновый. Асгейр делал его во второй книге, когда клеил щит.

– А разве трещина не должна дышать? – спросил я у Кнуда.

– Что значит? – удивился старик.

– Ну, на волне корпус дышит, – я изобразил руками, как бы перегибая туда-сюда палку, – боюсь, если вставим клин, он нам трещину дальше будет щепить. Это как бревно щепят, все наверно видели?

Некоторые покивали, другие, похоже, не сталкивались.

– Да что вы его слушаете? – крикнул Рерик. – Он же опять придумывает! Ща еще скажет, что сто раз так делал...

Но его быстро заткнули. Видимо у большинства мозги уже заработали в нужном направлении.

– Кстати, – продолжил я развивать успех, – если мы зальем трещину смолой, она от воды затвердеет, и тоже может разорвать доску. А клей нет, он даже остывший будет... будет ...

Черт, чем же заменить слово «пластичный»?

– А можно и не заполнять трещину клеем целиком, – подал голос, молчавший до сих пор Регин, – пропитаем тряпку, и затолкаем в трещину. И сверху еще одну приклеим.

Блин, как же я сам-то не додумался? Ведь знал же! Эх-х-х...

После того, как идею поддержал Регин, чей авторитет в команде был неизменно высок, и, самое главное, Кнуд – главный по кораблю, ее перевели из разряда «проектов» в разряд «план», присвоив высший приоритет.

Естественно, меня отправили к монахам за молоком и

прочими ингредиентами для клея, дав в помощники всё тех же Бьярни и Синдри. Остальных припахали в лагере.

– Скоро уплываете, – то ли спросил, то ли констатировал брат Вальтер.

За всё время я так и не сошелся ни с одним из монахов кроме него. Сталкиваясь в стенах монастыря с другими братьями, всё равно не мог отделаться от мысли, что меня сторонятся. Монахи не косились и не шептались за спиной, по крайней мере, я не замечал. Но и расположения какого-то не выказывали.

– Да, – подтвердил я, – но сначала корабль надо починить.

– Уплываете... – грустно кивнул старик. – Вот и опять мне будет не с кем поговорить.

Это да. Он не только растолковывал мне «Слово Спасителя» – так называлась местная «Библия», но периодически мы сходились в жёстких дискуссиях по поводу той или иной моральной максимы. Чего только стоил наш спор по поводу утверждения «Всякая власть от бога!»

Лично я, слышавший подобное утверждение еще в своем мире, до сих пор этого принять не мог. Как это так?! А если правитель влез на трон путем интриг и собственной подлости? Он тоже «от бога»?

– Не переживай, – попытался подбодрить старика я, – братья же твои никуда не денутся!

– Конечно никуда, – печально покивал монах. – Куда мы

из нашей обители? Братия, это всё, что у меня есть, кроме слова Спасителя. Вот только... – он помолчал, пожевал губами. – Мне будет не хватать твоего молодого задора, твоего напора, пусть не всегда и правого... Да что там? – наконец хитрая улыбка коснулась его губ. – Почти никогда не правого... Но всегда честного и прямого, – закончил он грустно.

Грусть тронула и мое сердце. Я присел рядом с понуро сидящим братом Вальтером, обнял его за хрупкие стариковские плечи.

– Ну, мы же не на век расстанемся! Я ... приеду. Обязательно еще раз приеду. Мне только ... – я вздохнул, – мне только свой корабль нужен, а то просить кого-то постоянно... Могут и не послушать.

Он посмотрел на меня долгим внимательным взглядом.

– Мы обязательно встретимся. Не в этом мире, так в том, лучшем.

– Эй-эй-эй! Ты что это задумал, старый? – шутливо встревожился я. – Мы еще в этой жизни с тобой сойдемся в споре... Ну, например о двуединстве Создателя и Спасителя!

– О чём ты, юноша? – тут же завелся старик. – Тут даже спорить не о чем! Создатель воплотился в Спасителе. Спаситель – это его телесная оболочка!

– Я понял, понял... – смеясь, я выставил руки, как бы защищаясь. – Мы обязательно поговорим об этом. Не сейчас, сейчас мне надо сделать то, за чем меня послали... – я кивнул на только что принесенные деревянные вёдра с мо-

локом. – И не в этом году, и наверно не в следующем... – настроение резко испортилось, когда я задумался, что свой корабль, это для меня сейчас как свой бизнес-джет в покинутом мире – теоретически цель достижимая, но если старт твой не как у братца Йоргена, то возможно – и несбыточная. Вздохнул. – Но я что-нибудь придумаю!

– Я верю, такой целеустремленный молодой человек... в смысле – гоблин, добьётся своего, – подбодрил меня брат Вальтер, вставая. – Идите, надеюсь, до отплытия ты еще зайдешь ко мне.

Корабль починили, как и предлагал Регин: сделали жгут из вымоченной в казеиновом клею тряпки, затолкали в щель, и с обеих сторон – изнутри и снаружи заклеили полосой ткани. Тоже на клею.

На следующий день Сигмунд потыкал пальцем в заплатку, похмыкал...

– Можем опять изнутри привалить, теми же кольчугами, – посмотрев на скептическую гримасу форинга, предложил Фритьеф.

– Обязательно привалим, – кивнул тот. – А пока, давайте-ка кое-что обсудим!

– Созвать парней? – догадался Фритьеф.

– Не так я думал закончить прошлогодний наш выход за добычей, не так, – покачал башкой Сигмунд, когда народ собрался рядом с всё еще стоящим на берегу кораблем. – Норк может предполагать, а норны⁴ знай прядут нить судьбы да режут руны... – над лагерем стояла гробовая тишина, даже слышно стало как птицы кричат в вышине, ветер свистит в скалах, и где-то прибой грохочет об берег.

– Да и этот я хотел начать с большей командой, – продолжил форинг, – как минимум... – он вдруг хитро подмигнул, – с большим количеством хольдов!

Я сообразил не сразу, к чему дело идет, и только по тому, как враз заулыбался стоящий рядом Синдри, понял – будут выбирать хольдов. Ну, действительно! Видано ли дело, из похода дренгом возвращаться! Говорят, и не бывало такого уже давно. Народ ожидаемо зашумел, запереглядывался.

– Правильно, форинг! – крикнул то ли Снор, то ли Моди, мне не видно было, – многие парни давно достойны хольдами зваться!

– Да ладно, что-там?! – это уже Ойвинд глотку дерет. – Все достойны. Все!

– А это сейчас и посмотрим, – перекрывая шум пророкотал Фритьеф.

Шум подстих.

– Итак... – возвысил голос Сигмунд. Дождался, пока все заткнуться. – Я предлагаю Берси Ульвсона! Кто-нибудь вы-

⁴ Норны – в германо-скандинавской мифологии богини судьбы

скажется против?

Взгляды скрестились на невысоком, крепеньком пареньке, «Медвежонке» как я про себя его называл. Как по мне – отличный парень, не горлопан и не истерик, в бой шел, как будто работу выполнял – обстоятельно. Кстати, в последнем деле чуть не отъехал – грудь ему тогда распороли, дай боже, еле выкарабкался.

Видимо все вспомнили то же самое, что и я.

– Берси Ульвсон, выйди ко мне! – торжественно объявил Сигмунд, так и не дождавшись голосов против.

Ну а дальше по накатанной: «Я, форинг Сигмунд счастливый, и тэ-дэ и тэ-пэ...». Слышали, знаем. И на этот раз – никаких подгонов от форинга: ни те шлема, ни те топора какого, зачётного.

Следующими были Бруни, Скегги и наши кореша – Фрэир и Торстейн. И все тоже вполне заслужено перешли в категорию хольдов.

– Синдри Ормсон! – проорал Сигмунд.

Шустрик прям подобрался, как перед броском, и нырком в холодную воду.

– Слыш? Успокойся... – начал шёпотом успокаивать я приятеля, и тут...

– Я против!

Что?! Синдри вздрогнул, а я резко крутанулся вокруг себя... Ах ты ж паскуда! Болли! Стоит чуть в сторонке на возвышенности, в окружении своих прихвостней, ручонки на

груди сложил и улыбается! Скалится, сука. Прямо мне в лицо!

– Скажи свое слово, Болли, – немного ошарашенный про-изнес Сигмунд, – почему ты против парня? Он смел, из боя не бежит, умелый воин...

– А я не чувствую в нем твердости, – пожав одним плечом заявил волосатик. Но смотрел он по-прежнему только на меня. Вот же гад!

– Да, слабоват он еще, – крикнул стоящий рядом с Болли Эйрик, – да и боец так себе...

Я, заметив краем глаза движение, и как раз успел перехватить руку друга. Тот порывисто ухватился за рукоятку скра-ма.

– Не вздумай, – одними губами прошептал я.

– Да вы посмотрите на него! Он же сейчас расплачется! – издевательски выкрикнул Рерик. – И это хольд?

Я непроизвольно покосился на Синдри. Лицо побелело, в смысле – стало бледным-бледным, почти серым. Кожа на скулах натянулась, и было видно, как ходят туда-сюда желва-ки. Губы подрагивали, но вкупе с горящими ненавистью гла-зами это скорее показывало, что парень в шаге от какой-ни-будь глупости. Но никак не от слез.

– А тебе-то кто слово дал? – успел крикнуть я.

– Да... И я тоже против, – пробубнил стоящий в той же компашке Бруни.

И ты, сунс! А я ведь тебя нормальным пацаном считал! Вот что значит, дурная компания.

– Ну раз есть те, кто против... – протянул Сигмунд.

Я рывком обернулся. Что ты блеешь? Кто против? Из «авторитетных» только волосатый. Ну и Эйнар, вроде как полгода уж как в хольдах... Да неужто ты не понимаешь, баран ты тупоголовый, что это чтоб меня узавить?

Но я, естественно, промолчал.

И Синдри, бывший со всеми наравне, много раз раненый так и остался дренгом. Новичком по местному.

– Рерик Ингольвсон! – выкрикнул Сигмунд

– Я против! – заорал я, не дав брату сказать еще чего-нибудь. – Он легкомыслен, не прислушивается к старшим, и постоянно предлагает всяческую фигню, непроверенную!

Эх, было б у меня хоть пять минут, я б приготовил более аргументированную речугу. Но это только в фильмах и книгах герой находит самые нужные слова в нужный момент. Мне в голову успело прийти только это.

– А кто дрегну дал право голоса?!

Даже не оборачивался, и так знал – Болли. Я дернул голову, нашел взглядом Бьярни, из нашей компашки только он был принят еще на Волчем, его голос будет иметь вес. Не успел.

– Дренг-не дренг, а говорит дело, – прокаркал знакомый старческий голос, – Рерик и вправду за языком не следит... Горячий слишком!

Я бросил торжествующий взгляд в сторону Болли с прихлебателями. Ну, сожрал?

Невысокий, широкоплечий Рерик, такой-же крестьянский сын как и Бьярни, отправленный в море за добычей чтоб помочь семье буквально прожигал меня глазами.

А Болли – нет. Смотрел снисходительно, с легкой усмешкой, как бы говоря: «Да пофиг мне на этих парней, главное – тебя я уел».

Тут против Рерика высказался еще и Ойвинд, припомнив тому различные, не очень своевременные предложения.

Следующим прокатали Хальфдана. Честно говоря, это я, «закусив удила» отчаянно маяковал Бьярни и строил гримасы. Зря я так, конечно. Хальфдан тоже был нормальным парнем, а то, что он оказался в команде охотников, то ж не сам он напросился, Болли ткнул пальцем.

– Ну что ж, – хмуро оглядывая собравшихся наконец режюмировал Сигмунд. – Вот мы и выбрали новых хольдов...

– Погоди, форинг! – вскинул голову Регин, – Извини, что перебиваю, но кажется ты не всех назвал.

– А кого я не назвал? – удивился братец.

– Асгейр! – найдя меня взглядом в толпе, лучник вытянул руку. – Он отличный стрелок, хороший товарищ и боец. Буквально выручил нас с этим монастырем... И знание языка людей очень нам помогает.

У меня ёкнуло сердце. Неужели? ... Вообще-то, после всего я и не надеялся...

Медленно-медленно я повернулся в сторону Болли. Ага, вот ща как крикнет «Я против!»

– Рано еще Асгейру. А то, что знает язык... Так и что ж с того?

Что?! Сигмунд? Ты... Ты чё, брат? Я вылупился на форинга.

– Мал он ещё, – со вздохом закончил мысль старший сын дяди Йоргена.

В спину мне ударил залиvistый смех.

– Не переживай, брат, – приобнял я приятеля, – будет и на нашей улице праздник.

– На улице? – удивился тот.

– Да... Не бери в голову, – махнул я рукой, – выражение одно. В смысле, однажды и в наши сети заплывет рыба, исполняющая желания.

– Эх, мне б сейчас такая не помешала...

– Что это дренги разобнимались? – насмешливый голос за спиной заставил вздрогнуть и сжать кулаки. – Заняться не чем?

Я медленно обернулся. За моей спиной Бьярни удерживал порывающегося шустрика за плечи.

Напротив остановился Болли. Эйнар и Рерик стояли по бокам, на полшага позади. Хальфдан и Бруни еще чуть дальше. Эдакий атакующий клин.

– Я не прощу тебе, полукровка, – сжимая и разжимая побелевшие пальцы на рукояти скрама сквозь зубы проговорил Рерик.

– Видишь, – усмехнулся Болли, – даже твой брат в тебя не верит.

– Да и пофиг, – сплюнул я под ноги. – Переживу.

– Переживешь? – хмыкнул он. Подмигнул. – Уверен?

– Уверен, – с нажимом ответил я глядя прямо в глаза волосатому козлу. – А еще я уверен, что мне не только хольдом быть, но и ... форингом. А что? Корабль я куплю и команда у меня будет...

Снисходительная улыбка на лице волосатика постепенно сменялась глумливой. Но сказать я ему не дал.

– ... А вот ты... – я дернул щекой. – Не быть тебе не то, что форингом, даже ближником его не быть, как не подлизывайся.

Лицо Болли на миг окаменело, вздулись желваки, глаза сузились. Он медленно-медленно выдохнул.

– Ну что ж... Посмотрим

Глава 6 Домой?

Наконец «Морского ворона» общими усилиями, с матюгами и воплями, стащили в воду, и он закачался на еле заметной волне почти освободившейся ото льда бухты.

– Ну что? – натурально вытягивая шею, словно пытаюсь заглянуть с берега за высокий борт, спросил Сигмунд.

– Хорошо! – над планширем возникла довольная рожа Кнуда.

– Дай-ка я сам взгляну.

Накинули сходню, Сигмунд, Фриттьеф и Болли присоединились к кормчему и Синдри с Берси, помогавшим подтянуть и пришвартовать спущенный корабль.

– Да что ж тут хорошего? – донесся до сгрудившихся на берегу, и замерших в ожидании орков, – Вон как течет!

– Слеза не течь, – прозвучал в ответ пренебрежительный голос Кнуда, – грязью забьется, да и дерево набухнет... Всё отлично форинг! Можем плыть!

Всё равно пару дней корабль потихоньку грузили, наблюдая за поведением трещины. Вода по капле набиралась, но по сравнению с тем, что было – всё равно, что ничего. Кнуд заявил, что за день будет набираться не больше пяти-шести ведер.

– В свежую погоду нам больше с брызгами набегало, – за-

явил он авторитетно.

– Ага, – мрачно кивнул Сигмунд, – а теперь к этим пяти ведрам будут добавляться и те пять...

Но вариантов не было, не век же куковать на этом острове? Окончательно догрузились, вернули на место палубные щиты, установили мачту, прошлишь чуть по бухте взад-вперед, наконец, остановились там же, где и зимовали.

На берегу виднелись следы нашего пребывания: палатка, еще не убранная, утепленная ветками и утрамбованными кирпичами снега, от этого еще не растаявшими, но уже почерневшими и оплывшими. Ключья какого-то мусора – и откуда его берут? Вроде ни пакетов, ни бутылок, ни консервных банок, ни упаковочной пленки! А всё одно – явно здесь долго стояли «туристы».

– Ладно, – махнул в конце концов Сигмунд, перед этим долго созерцающий наш недо-трюм, – можем плыть.

Поднял башку, окинул взглядом сидящих на веслах и замерших в ожидании вердикта гребцов.

– Ну что, хольды, домой?

Поскольку только что шли кормой вперед – в бухточке было не развернуться, то все сидели лицом к носу. Я увидел, как по парням пробежалась волна: кто-то расправлял плечи, кто-то поднимал повыше голову, оглядывался по сторонам и на товарищей, за спиной раздался облегченный выдох Бьярни. Только шустрик впереди сник плечами еще сильнее. Эх, ему конечно хотелось другого...

– Погоди, форинг! Зачем домой?! – сидящий на носу Болли задрал голову: Сигмунд стоял на палубе как раз рядом, в полный рост, от чего лицо волосатика оказалось на уровне его пояса.

– Что значит, зачем? – маячивший за спиной форинга Фритьеф покосился на Болли, – У тебя другие предложения?

– Конечно! – будто о чём-то, само-собой разумеющемся заявил Болли. Вскочил на ноги. – Подумай, форинг! – порывисто развернулся к остальным. – Подумайте, парни! Мы же уже в Вестлэнде!

Несколько секунд он держал паузу, обводя нас торжествующим взглядом.

– И чего? – не выдержав, выкрикнул я.

Болли дернулся, нашел взглядом кричащего, потом сообразил, что это я, поморщился и вновь начал вещать, разрываясь меж командой и стоящим вплотную Сигмундом.

– Сейчас же самая ранняя весна! Там, у нас дома только-только смоят после зимы корабли, да команды собираются... А мы уже здесь!

– Говори понятнее, Болли, – прогудел насупленный Фритьеф.

– А ты не понимаешь? – деланно изумился хольд. – Фритьеф, – Болли покачал головой, – это же понятно даже младенцу. Даже вон, наш тупенький ублюдок наверно сообразил.

Вообще-то лично я действительно сообразил. Но, судя по

всему, ни ветеран, ни Сигмунд, и как минимум половина команды пока как говорится «не вкуривали».

– Понимаете? Мы здесь. Мы УЖЕ в Веслэнде... – Болли выделил голосом «уже».

– Вообще-то, мы чуть севернее Ирене, – поправил его Фритьеф.

– Тут день пути, максимум! – отмахнулся Болли, – Понимаете? Другие орки здесь появятся не раньше, чем дней через десять, а то и все двадцать, а мы здесь! Мы первые! Мы можем первыми оказаться у жирных южных земель!

Только сейчас до большинства начало доходить. Я увидел, как зажегся азартный огонек в глазах братца... Так-так-так! Стопе! Вы чё это затеяли?

За спиной раздался тоскливый вздох Бьярни, зато Синдри вдруг выпрямился, вскинул голову, радостно обернулся на меня... Ну прости, дружище.

– А ничего, что у нас полный трюм ништяков... добычи в смысле? – стараясь придать голосу издевку крикнул я.

На меня стали оборачиваться, непонимающе уставился Сигмунд. И только Болли и Фритьеф похоже сразу поняли о чём речь.

– Кто дал слово дренгу? – раздраженно в пространство бросил Болли.

– Сигмунд, ты же не поведешь нас в южные земли Веслэнда, пока мы не доставили домой всё то, что взяли прошлым летом? – голос Фритьефа перекрыл Боллин.

По массивному лицу брата, по насупившимся густым бровям, по сузившимся векам было видно, какая гигантская работа мозга шла сейчас внутри его большой черепушки.

– Форинг, да подумай ты! – Болли порывисто развернулся. – Это же шанс! Шанс первыми взять сливки с этого края! Нас не ждут! Слышишь? Не ждут! Люди привыкли, что орки не приходят раньше определенного срока! ... А тут мы! Ты подумай, какая может быть добыча! Какая тебя ждет слава!

Ой-ё-ёй! А братец-то ща поплывёт! Я прям вижу, как в его глубоких глазницах как у мультяшного персонажа скачут значки долларов! Ах, жадность-жадность!

– Сигмунд... – я поправился, – Форинг, ну чего такого мы там можем взять? Ты забыл, ЧТО у нас в трюме? СКОЛЬКО там?

– Форинг, кого ты слушаешь?

– Сигмунд, Асгейр прав, – негромко, но веско уронил на колеблющиеся весы хомяковатой души форинга ветеран. – Вспомни, какую добычу мы уже взяли. Поверь моему опыту... Да спроси хоть этого... – Фритьеф показал подбородком на оппонента, – Давно ли приходили в Борг корабли с ТАКОЙ добычей?

Сигмунд с сомнением взглянул на волосатика.

– Да... – замялся тот, – Я и не помню... Да что я, считаю чужую добычу? – стал выворачиваться как уж на сковородке дредованный хольд. – Сигмунд! ... Я согласен, у нас много ценного в трюме. Но представь, как ты сможешь это пре-

умножить!

Я прям видел, как перед мысленным взором Сигмунда рисуется картина: вот он, а вот другие форинги и сам ярл обсуждают его небывалую удачу и страшно завидуют...

– Фритьеф, скажи хоть ты, если меня не слушают, – изменил я тактику, – пусть вспомнят, сколько у нас команды, и что мы не отдыхали эту зиму как следует. Что мы найдем в этих южных землях, куда нас так старательно зазывает Болли? Только смерть. И нового не возьмем, и всё нажитое потеряем... Был у нас Сигмунд Счастливчик, а превратится в Неудачника, – вытащил я самый главный свой козырь, – что подержал удачу за хвост, да не смог удержать из-за жадности!

Глаза братца полыхнули адским огнем.

– Да ты трусил, полукровка! – зло крикнул Эйрик.

– Трус! – подхватил Рерик, – Давайте оставим его на берегу? Пусть живет здесь как его родичи червяки! Зачем нам этот бесполезный?

– Ну-ка заткнулись все! – рыкнул Фритьеф.

– А что это ты рот команде затыкаешь? – окрысился на него Болли. – Мы форингу дело советуем, а ты что? Ты был опытным хольдом, но это было давно! А теперь ты...

Болли не договорил, вовремя прихлопнув пасть. Но Фритьефу хватило. Он секунду колебался, а потом ... вышел вперед, под мачту, развернулся к Сигмунду.

– Скажи, Сигмунд, кого ты слушаешь? – мрачно прогово-

рил ветеран. – Кто твой ближник? Я, кого ты знаешь с самого детства, кто учил тебя держать меч и вел все эти месяцы, или ... – он покосился в сторону волосатика, – этот хольд, про которого мы знаем только то, что он несколько походов совершил со Свеном Кабаном? И то, с его слов.

Над кораблем воцарилась тишина, которой больше подошло бы описание «мертвая» или «гнетущая». Орки, похоже, боялись даже пошевелиться.

Сигмунд молчал. Фритьеф тоже. Пауза затягивалась.

– Скажи ему, форинг! – негромко, но с вызовом заявил Болли. – Заодно и я пойму, как меня здесь принимают.

– Скажи, – эхом откликнулся здоровяк, – и если надо, я готов сменить Болли за веслом.

Сигмунд тяжело вздохнул, словно гигантский кузнечный мех.

– Ты мой ближник, Фритьеф, – наконец, как будто с трудом выдавил братец, – ты здесь, фактически моя семья...

Эй-эй! А я как же? Хотя ладно, ща главное этого козла волосатого на место поставить. Давай, братан, жги!

Фритьеф стоял спиной ко мне, я видел только слабый кивок его огромной головы. Зато лицо Болли было обращено в пол-оборота, и от меня не укрылось, как на миг прищурились его глазки, а на скулах вздулись желваки. Так-то тебе, козлина!

– Но я также не могу игнорировать мнения опытных хольдов, – продолжил гундеть Сигмунд. – А Болли, часто дает

очень ценные советы. Ты же помнишь, кто предложил тогда напасть на двух людских ярлов, сошедшихся на поле битвы? А лагерь тех людей, что осаждали деревню? Болли делом доказал, что к его слову надо прислушиваться.

Фритьеф не шелохнулся. Зато морда дредованного уroda осветилась довольной улыбкой. На один миг. Потом ее сменило деланное выражение спокойствия, Болли сел, и даже откинулся спиной на планширь, скрестив руки на груди.

– Я услышал тебя, форинг, – прогудел ветеран, вновь кивнув головой, – укажи мне место за веслом и в строю.

– Да ничего ты не услышал! – взорвался братец. – И твое мнение, и мнение Болли мне одинаково ценно. Так что прекратите ссориться! Я вам запрещаю!

Интересно, мысленно хмыкнул я, они послушаются?

– Так куда мы идем, форинг?

Пауза. Сигмунд пару раз перевел взгляд с Фритьефа на Болли и обратно. Потом завис, уставившись в пространство.

– Домой, – наконец выдохнул брат, когда я уже решил, что ответа так и не дождемся.

Фритьеф вновь коротко кивнул, я перевел дух, спина Синдри скукожилась еще сильнее, чем до этого...

– Домой, так домой, – раздалось карканье из-за спин. Я непроизвольно обернулся на Кнуда, – только учтите, что еще дней тридцать или все сорок будет дуть сильный северный ветер.

На кормчего стали оборачиваться другие, повернулся к

нему и Фриттьеф.

– Что ты хочешь сказать? – озадачено спросил Сигмунд.

– Все же помнят ветер, с которым мы вышли из дома? ... Если кто забыл, напомним, что каждую весну дуют северные ветры, на которых нам так удобно добираться до человеческих земель, а каждую осень наоборот – южные, что гонят нас к родным берегам...

Кнуд перевел дух, длинные речи ему пока давались не очень. Я успел заметить, как радость вновь возвращается на лицо волосатика.

– И что это значит? – насупился Сигмунд.

– Если хочешь прям сейчас идти домой, приготовься выгребать против ветра и волны. Думаю, дней десять, а то и все пятнадцать на дорогу потратим.

– Это ж знак, форинг! – воскликнул Болли. – За те же двадцать дней мы успеем наведаться на юг, к людям, взять хорошую добычу, которая еще больше прославит тебя в веках. И тогда уже идти домой.

Чёрт...

– Значит так, – после долгого раздумья наконец родил Сигмунд. – получается, что сразу домой идти резона нет.

В уголках глаз «опытного хольда» блеснул торжествующий огонек.

– Но и рисковать тем, что уже взяли я не хочу...

Ага! Всё-таки хомяк взял верх! Правильно, тащи добро в норку! Домой, брат, домой!

– Пойдем неспешно к восточному побережью, откуда перейдем к берегам Валланда и домой. Если по пути будут попадаться достойные нашего внимания поселения – берём.

– Сигмунд... – начал Фриттьеф.

– Идем через север. Не готовы мы пока на юг углубляться.

Отплывать решили на следующее утро. Остатки дня посветили окончательным сборам, наполнили бочку с питьевой водой, из временного ледника перегрузили небольшие запасы соленой рыбы и вяленого мяса. На первое время.

Я под вечер смотался к монахам.

– Значит завтра, – кивнул, поджавший губы брат Вальтер. Вздохнул.

– Не грусти, – попытался я его ободрить, – у тебя всё еще есть слово Спасителя и братия.

– Конечно, – согласился монах. – А еще скоро могут начать приплывать паломники.

– Какие еще паломники? – удивился я. Вроде в наших разговорах такая тема не всплывала.

– Миряне, – пояснил Вальтер, – используют время, пока можно не бояться орочьих кораблей, чтоб увидеть нашего настоятеля. Ранней весной и поздней осенью они приплывают за благословением или за мудростью, а мы встречаем их как и вас.

– А-а... – протянул я. – Ладно, брат Вальтер, я пойду, завтра вставать рано.

– Иди, гоблин Асгейр, пусть дорога твоя будет легкой. Я обязательно выйду утром на пристань проводить вас, и благословить.

На том и расстались.

Утром отвалили. Мачту уже поставили и раскрепили ван-тами. Рей, развернутый пока вдоль палубы, ждал своего часа, чтоб вознестись вверх расправить парус, и устремить наш «Ворон» по волнам, под скрип досок корпуса, свист ветра в снастях, в соленых брызгах навстречу встающему из моря солнцу... Господи, неужели я скучал по всему этому? Я даже удивился, плюхаясь задом на рундук, привычно берясь за еще не выставленное сквозь порт весло.

– Стрелки на нос! – одернул меня голос Фритьефа.

Переглянулся с Региным, уже вытащившим из чехла свой длинный лук и снаряжающим тетиву. На нос, так на нос, где там мое оружие?

– Стрелять не разучился? – встретил меня с усмешкой Сигмунд.

Я только снисходительно ухмыльнулся – то, что я почти каждый день упражнялся в стрельбе он и так знал. Уперевшись в стремя ногой привычно надел тетиву. Взводить не стал, дуга хоть пока выглядит хорошо, но сколько еще прослужит? Лучше не искушать судьбу. Проверил как выходят

болты из колчана на поясе.

– Смотри, Асгейр, там твой приятель. Машет руками, словно взлететь пытается, – заметил смотрящий вперед Регин.

Точно, на пристани, что уже показалась, виднелась одинокая фигурка в черном балахоне, и призывно жестикулировала. Я помахал в ответ.

– Кажись, пристать просит, – с сомнением проговорил Регин.

Точно, жестикуляция монаха не вызывала сомнений.

– Пристанем? – я несмело взглянул на Сигмунда.

Вообще-то, уже попрощались, но вдруг что важное?

– Зачем? – покосился на меня брат.

– Ну... – не нашелся что сказать я.

– Ладно, форинг, дай пацану с приятелем проститься, – неожиданно каким-то слишком доброжелательным голосом проговорил кинувший взгляд через плечо Болли.

Весла зачерпывали воду очень размеренно, так что у гребцов оставалось время крутить головами по сторонам.

– Хм... – нечленораздельно промычал Сигмунд.

– Да, пусть простится, а, форинг? – добродушно усмехнулся стрелок.

Сигмунд с сомнением взглянул на меня, на Болли, на Регина... Перевел взгляд на корму, к сидящему на румпеле Кнуду.

Корабль, не дожидаясь команды, плавно повел носом вле-

во.

– Ладно, – в конце концов махнул рукой брат. – Только быстро.

– Спасибо, – поблагодарил я и положил арбалет на палубу.

«Ворон» совершил плавную дугу, и, гася скорость, притерся к стенке. Накинута петля на торчащее в пирсе бревно окончательно остановила корабль. Я перепрыгнул на берег.

– Я же обещал, что выйду проститься, – улыбающийся монах широко раскрыл объятия. – Ты первый в моей жизни гoblin, что решил принять свет истинной веры, и я не мог отпустить тебя без благословения и небольшого подарка.

Мы обнялись, после чего он отступил на шаг и вытащил из висящей на боку торбы сверток.

– Вот. Я хочу подарить тебе книгу. Тебе надо упражняться в чтении, и тогда ты сможешь черпать мудрость не только из бесед с такими жалкими толкователями слова Его как я, но и прикоснуться к великой мудрости отцов нашей церкви.

– Спасибо, – принял я завернутую в кожаный футляр книгу.

– Это не священный текст, – пояснил монах, – тебе самостоятельно такое читать еще рано. Это деяния святых рыцарей, последователей Спасителя. Тебе, как юноше будет интересно, а заодно – душеспасительно.

– Спасибо, брат Вальтер, – прижал я книгу к груди.

Какая-то возня, происходившая на корабле за моей спиной, отвлекла мое внимание.

– Асгейр, давай на корабль! – долетел крик Сигмунда.

Кажется, помимо этого о чем-то спорили Болли и Фри-
тьеф.

Монах, улыбаясь, отступил еще на шаг, вскинул руку и обвел меня кругом.

– Плыви, Асгейр, – проговорил он.

– Асгейр! – в голосе Сигмунда добавилось настойчиво-
сти. – А то без тебя уйдем.

Я попятился. Монах вновь поднял руку, видимо намере-
ваясь обвести кругом Спасителя весь корабль.

– Плывите, добрые гобл...

Рука замерла в жесте, улыбка медленно сползала с его ли-
ца. Он растерянно взглянул на меня, перевел взгляд куда-то
мне за спину.

– Асгейр! – взревел Сигмунд. – Всё, мы отходим!

Я повернулся к кораблю...

Борт «Ворона», уже освободившегося от швартова начал
движение – на корме Бьярни и Фрэир упирались в пирс ше-
стами.

– Давай! – махал мне брат, с сердитой мордой.

Торопясь, я перепрыгнул начавшую расширяться щель
меж бортом и берегом. На встречу мне, на берег кто-то пе-
рескочил.

И тут я увидел, что так поразило монаха. Чёртовы торо-
пыжки, Эйнар и Бруни уже водрузили на носовой штевень
голову дракона. Вот значит, что я слышал!

Вскрик заставил обернуться.

С берега, коротко разбежавшись, перепрыгнул на отходящий корабль Болли. А там, под стенами монастыря, держась за живот обеими руками, медленно опускался на камень берега брат Вальтер. Вот он упал на колени... Его изумленный взгляд остановился на мне!

– Сука! – я шагнул навстречу довольно ухмыляющемуся хольду, засовывающему тесак в ножны.

Подскочивший Синдри схватил меня за руку, не дав выдернуть скрамасакс. Дернул в сторону.

– Не смей! – трубным гласом ударил мне в спину крик Сигмунда.

Болли, победно скалясь, выждал несколько секунд, потом отряхнул руки.

– Дай пройти, ублюдок, – весело бросил он мне, – ты что ль грести будешь?

Загрохотали весла левого борта, снова выставляемые за борт.

Я не ответил, и он прошел мимо.

– Синдри, на весла! – каркнул с кормы Кнуд.

– Ну и зачем? – недовольно спросил за спиной голос братца.

– Да мало ли что этот ... мог сказать человеку, – как о чем-то несущественном пояснил Болли. – К тому же ребята поторопились, – видимо имея в виду водруженную драконью голову. – Не надо людям знать, что мы здесь были. По-хоро-

шему вообще, надо вернуться и всех под нож.

– Не надо, – буркнул Сигмунд.

– Асгейр, на нос, – дернул меня голос Фритьефа.

Но я всё равно еще какое-то время неотрывно смотрел на берег, на уменьшающуюся фигурку человека в черном, пока он не упал лицом в землю и не замер невзрачной кучкой.

Глава 7 Неожиданная встреча

«Ворон» скользил на веслах меж высоких скал, так напоминающих родные фьорды. Давно скрылся за выступающей скалой монастырь и лежащая на пирсе фигурка. Народ настраивался на долгий переход.

Я мысленно, в сотый раз, вгонял болт в спину Болли во время очередного штурма.

Не, не получится, скривился с сожалением, у меня болты приметные, ни у кого таких больше нет. Хорошо было амерам во Вьетнаме – поднял Калаш гука и высадил рожок в спину ненавистного сержанта. Если что – «Кто убил?» – «Так бой был, узкоглазые со всех сторон, кто убил господина сержанта, я не видел». Или гранатой... Эх-х... Я замечтался. А тут? Все на глазах. Да даже если подберу человеческий лук, не факт что попаду из непривычного оружия.

Вообще-то я, как стрелок, обычно шел позади строя, ненавистная спина вот она, можно хоть скрамасаксом ткнуть... Не, ну не скрамом – Болли на Волчьем разжился кольчугой, перешел, так сказать, в более привилегированный класс бойцов, его спину теперь копьём ковырять надо. Или болтом...

Вот только орк, убивший своего... В бою... В спину... Сомневаюсь, что он заживется среди сородичей.

Я настолько мысленно ушел в планы о мести, что не сразу среагировал.

– Корабль!

– Человеческий? – вскинул голову Сигмунд.

– Человеческий, – подтвердил Регин таким тоном, словно хотел сказать: «А ты чей еще в это время и в этих водах хотел встретить?»

Встал Фритьеф, потянулся, размял шею. Ответил незаметным кивком на вопросительный взгляд Сигмунда.

– Вооружаемся! – скомандовал брательник.

– Суши весла! – тут же с кормы заорал Кнуд.

Втащив весла до половины, чтоб не цеплялись за воду, парни снаряжались. Кто-то полез в рундук – настолько отвык за зиму от постоянной готовности встретить врага, что не держал всё в быстром доступе. Моды, Снор, Болли и конечно же Сигмунд, извиваясь как гусеницы влезали сейчас в свои кольчатые рубашки.

Я рефлекторно коснулся топора, отцепил от пояса шлем и натянул на голову. Что еще? Покосился на ближайший, закрепленный на борту щит. Пойдет.

Наклон, ногу в стремя, разгибаясь спиной тетиву в паз ролика. Первый болт улегся в желобок. Я пальцами добавил его в тетиву. В общем – готов, теперь можно и рассмотреть получше, кого нам судьба навстречу подкинула.

Встречный корабль больше всего мне напоминал гоблинские когти: не такие длинные как Ворон, зато широкие, как

спущенная на воду бочка, с одной сдвинутой вперед мачтой и ограниченным набором весел, из-за объемного грузового трюма.

Он подходил к бухте, на палубе суетились фигурки, убирая парус, а весла – по три пары на носу и корме – только-только высунулись из бортов, готовясь к гребле.

На поднятом носу стоял человек и приветственно махал рукой. Угрозы в нас он не видел – ну правильно, кто еще мог отходить от монастыря? Велика сила стереотипов – для орков ведь еще рано! Даже характерная форма драккара, более никем не использовавшаяся. Даже дракон на носу – ничего не принималось во внимание. Орки придут позже говорил весь опыт мореплавателя и его предков.

Вот и поплатился.

Регин замер в ожидании. Ноздри подрагивают, сощуренные глаза сканируют дистанцию. Лук в опущенной, обманчиво расслабленной левой руке, правая придерживает стрелу, уже зацепив поигрывающими тремя пальцами пока еще не натянутую тетиву.

Между кораблями оставалось метров сто, когда улыбка на лице человека стала искажаться. Он еще продолжал механически махать рукой, но лицо постепенно вытягивалось, глаза округлялись, челюсть отваливалась.

Дистанция пока сокращалась неспешно. Прошло секунд пять, не меньше, пока расстояние между нами сократилось метров до восьмидесяти. И человек превратился в соляной

столб, замерев с поднятой рукой.

Рядом с первым показался второй, хлопнул того по плечу. Ветер донес обрывки насмешливых слов.

– Что ... будто ... демонов?

Потом второй перевел взгляд на нас...

Одним быстрым, слитным движением Регин вскинул лук одновременно натягивая тетиву... Треньк!

Первая стрела прошла мимо. Матерящийся лучник мгновенно натянул лук по новой.

Второй человек, пару-тройку раз хапнул ртом воздух, словно вытащенная на воздух рыба, выкатил глаза готовясь заорать... Но тут, в верхней части груди словно материализовалось белое оперение на коротком стерженьке, и тело молчком булькнуло за борт. Через секунду и первого, так и не отмершего, морячка следующая стрела сбросила на палубу.

– Орки! – долетел до нас знакомый вопль ужаса.

Тотчас из-за борта высунулись несколько бородатых рож. Пам. Мимо! Блин, всю ж зиму тренировался! Перезарядка.

Шестьдесят метров. Нос корабля людей покатился в сторону, весла с удвоенной силой впились в морскую гладь. Они там что, от нас на вёслах удрать собрались? Ну-ну, попробуйте!

На палубе когга закипела суeta. Кажется, несколько человек бросились вновь ставить парус – рей дернулся, пошёл в

верх, но потом вновь рухнул – сообразили, что не успевают.

Сорок метров. За спиной загремело дерево по дереву – парни втаскивали весла, мы теперь их и по инерции догоним. Болли уже вскочил, в левой руке пучок сулиц. Лук Регина тренькал без передыха.

Корабль людей развернулся боком, стали отлично видны обводы – чуть возвышенный нос, и заметно поднятая кормовая часть. Ну да, очень похож на гоблинский.

Блин, а у них борт на корме выше! И там замелькали слишком знакомые силуэты луками...

Пам. Один силуэт нелепо взмахнул руками и исчез. В ответ от них сорвались в полет несколько черточек.

– Закройсь!

Чмок, чмок, бам. Знакомые звуки впивающихся в доски наконечников. Я непроизвольно посторонился, чтоб меня закрывал штевень.

– Прикройте стрелков!

Фритьеф проорал команду и тут же метнул сулицу. Из-за моей спины взвились в воздух еще и, по крутой траектории, полетели к людям.

Передо мной возник Бруни со щитом.

– Не спи, стреляй! – прямо в лицо крикнул он.

Без тебя знаю. Наклон, тетиву взвести, дослать болт, вскинуться... Пам. Кажется попал.

– Быстрее не можешь?

Да пошел ты! Новая перезарядка.

Тридцать метров. Когг почти развернулся. Маневренный гад!

– Навались доходяги! – долетело от Кнуда

На миг бросил взгляд через плечо – не все парни бросили весла, шестеро на корме, повесив на спину щиты продолжали грести.

Теперь стрелы от людей и стрелы с сулицами от нас летели сплошным потоком. Перезаряжаясь, я успел заметить, как орки по очереди коротко разбегаются по палубе – буквально два шага, метают копьцо и тут же уступают место следующим. Эдакий круговорот, засыпающий людей смертью на полутораметровых древках.

Пам. Настильность арбалета снова сыграла с кем-то злую шутку – щиты были подняты от падающих почти вертикально метательных копий.

Пятнадцать метров. А их борт почти на полтора метра выше нашего! Лучникам людей уже приходилось перегибаться через него, чтоб стрелять, отчего поплатилась еще парочка – у Регина стрелы теперь летели тоже почти по прямой.

Блин, да как же мы его штурмовать то будем? Корма человеческого корабля уже почти нависала над нами, обстрел стих, наши тоже закончили. Зарядившись в очередной раз, скосил взгляд: Болли, Моды, Снор – те, кто в кольчугах – как гончие, готовые сорваться с поводка: напружиненные, взведенные, в нетерпении поигрывают оружием и ждут. Чтоб первыми значит, на копья и секиры.

Люди уже перестали грести, наши тоже втягивали весла. Почти в тишине – лишь плеск волн о деревянные борта, да поскрипывание досок – наш драккар приближался к возвышающейся корме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.